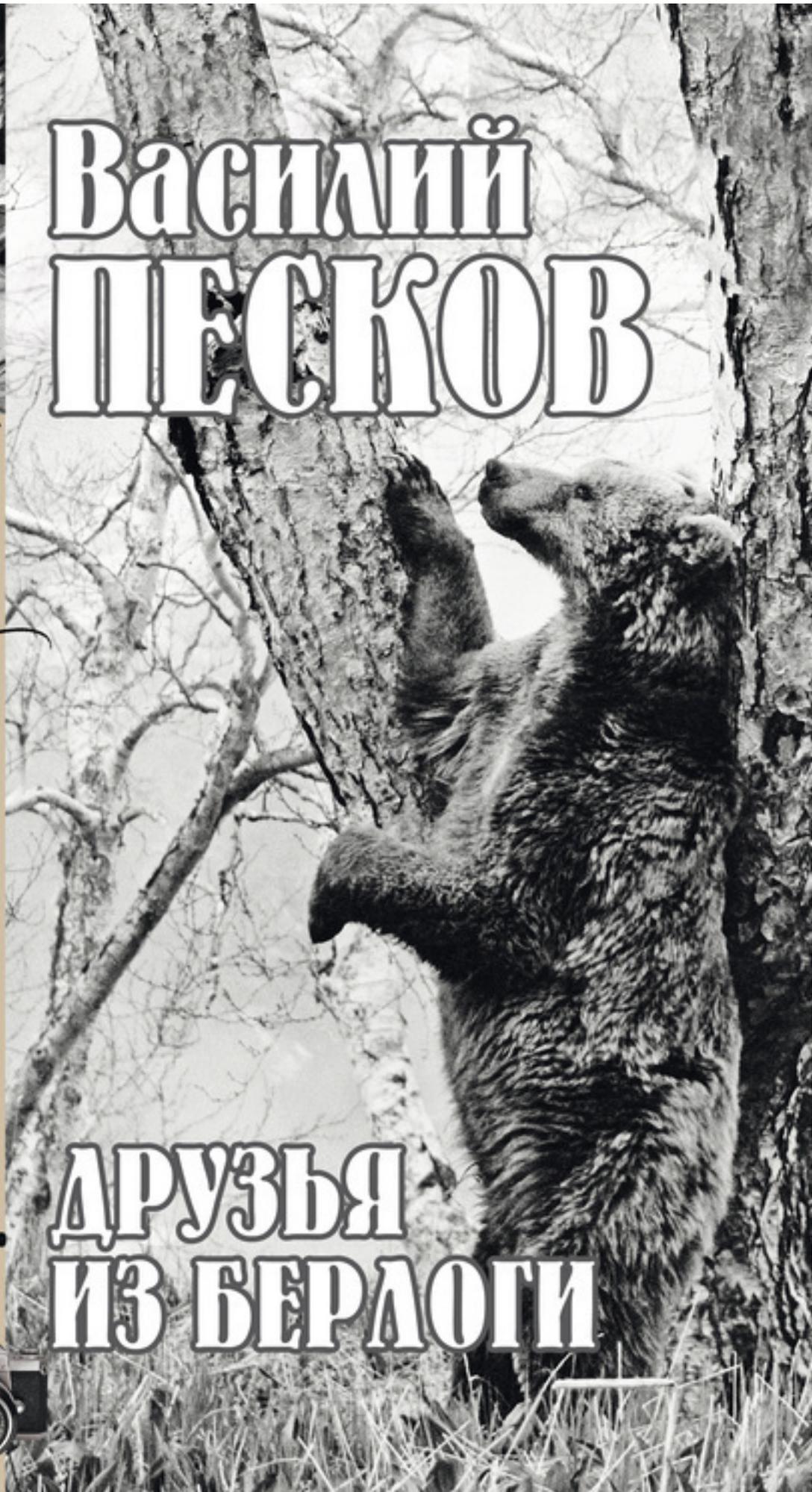

Василий ПЕСКОВ

*С радостью
Василий!
Юбер*

ДРУЗЬЯ ИЗ БЕРЛОГИ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Василий Песков написал эти рассказы, когда работал в издательстве "Молодая гвардия". Это были первые рассказы, которые он написал. Они были опубликованы в журнале "Молодая гвардия".

КОНСОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

Василий Песков. Полное собрание сочинений

Василий Песков

**Полное собрание сочинений.
Том 11. Друзья из берлоги**

«ИД Комсомольская правда»

ББК 94

Песков В. М.

Полное собрание сочинений. Том 11. Друзья из берлоги / В. М. Песков — «ИД Комсомольская правда», — (Василий Песков. Полное собрание сочинений)

ISBN 978-5-87107-887-7

В 11-й том собрания сочинений Василия Михайловича Пескова, обозревателя «Комсомольской правды», вошли его рассказы о людях, которые лесную жизнь знают не понаслышке, а буквально каждый день общаются со зверьем и птицами. А также путевые заметки из путешествия по Норвегии.

ББК 94

ISBN 978-5-87107-887-7

© Песков В. М.
© ИД Комсомольская правда

Содержание

Предисловие	7
1975	10
Река и жизнь	10
Дом, лодка...	10
Заключение	14
1976	20
Дикая жизнь	22
Человек с севера	27
Горсть зерен	32
Друзья из берлоги	34
На Оке в полдень	39
Минута жизни	43
Уроки «моря»	44
Южная точка	47
Очень важные две недели...	51
Украшение неба	53
Приемыш	57
Тайна	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Василий Песков

Полное собрание сочинений.

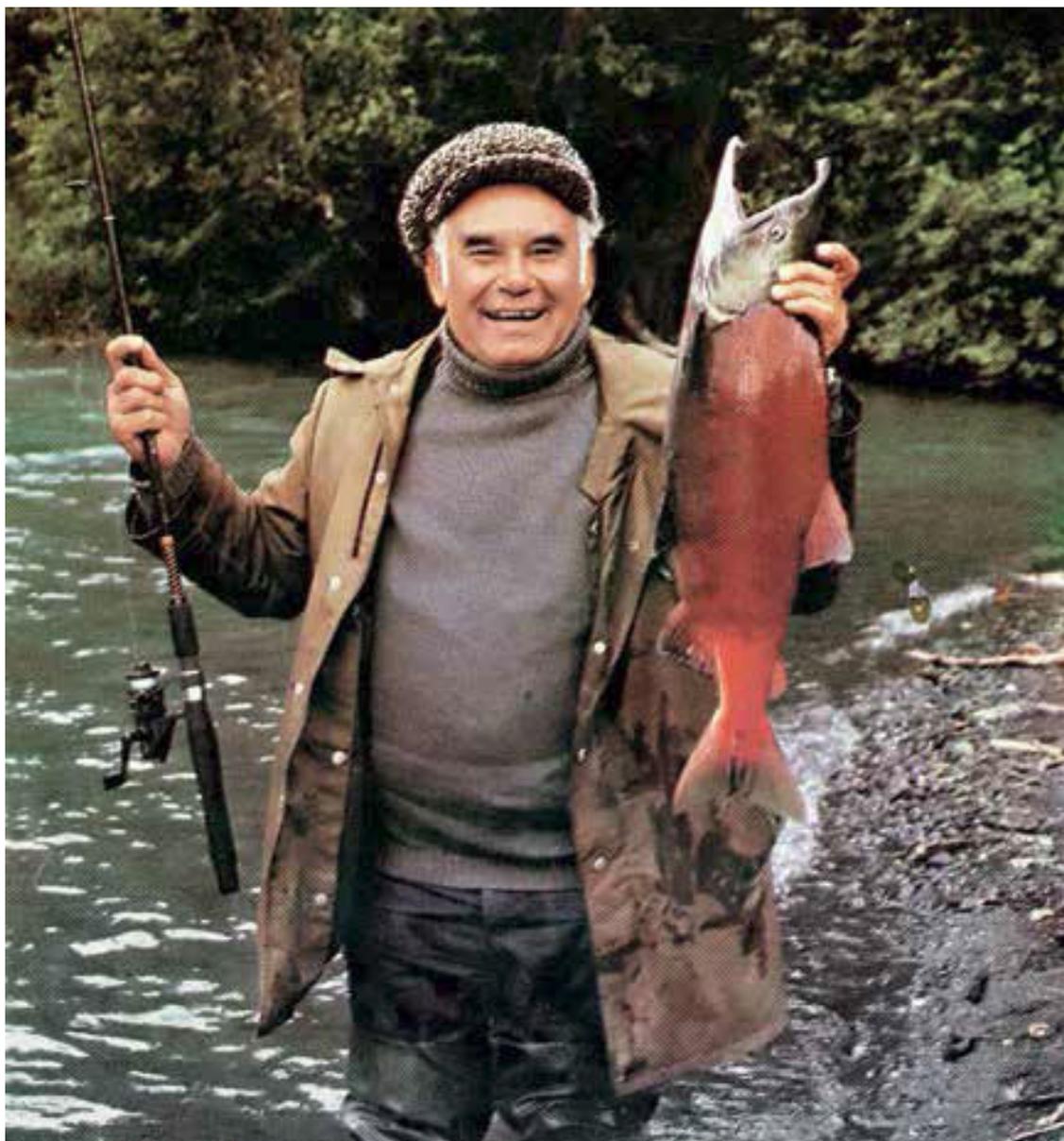
Том 11. Друзья из берлоги

«Землю можно сохранить только бережным отношением и любовью всех людей, живущих на ней. Очень много зависит от нашей культуры, от наших знаний и понимания: многое в жизни спасает любовь. Тот, кто в детстве свернул палатку, чтобы не помешать дятлам кормить птенцов, став взрослым и хозяйствуя на Земле, сделает меньше ошибок. Давайте помнить об этом».

В. Песков

© ИД «Комсомольская правда», 2014 год.

* * *

Предисловие

Дед Павел.

Захотелось, дорогие читатели, опять вернуться к биографии Василия Михайловича Пескова. В предыдущем томе он кое-что рассказал в своих заметках «Я помню». Но все-таки там было больше о войне, чем о родных Василия Михайловича. А тут я случайно наткнулся в одной из книг мастера на его записки о семье. И я подумал: зачем что-то писать, если есть вот этот его великодушный собственноручный рассказ.

«Вот альбом фотографий у меня в доме. На снимке, его открывающем, человек военный. Это мой дед, Павел Константинович Волохин (дедушка Павел). Снимок сделан в Финляндии незадолго до Первой мировой войны...»

Дед Павел был крестьянином, но дослужился до офицерского чина. Имел два Георгия. Приезжая в отпуск, в родное село, он, по рассказам бабушки, одаривал всех гостинцами и был желанным гостем в любой избе. Был он веселым, любил песни. «Паши, да ты мертвого из гроба подымешь», – говорила о нем какая-то неведомая мне хмурая сельская баба. В каждом доме был он гостем желанным, всем было приятно с ним поведаться, поговорить. Веселого, умного человека война не пощадила в первый же месяц. Предчувствуя войну, дед спешно отправил семейство домой, в воронежское село, и с полком своим отбыл на фронт. Друг его написал бабушке: «Мужайтесь, Прасковья Матвеевна, Паши убит был утром разорвавшимся над окопом снарядом. Мы как раз в этот момент говорили о доме, о семьях... В цинковом гробу Павла отправили в город Лахти. Там будет его могила».

...Еще фотографии в книге – мои родители: мама Татьяна Павловна и отец Михаил Семенович Песковы. Оба потомственные крестьяне. Отец – подчеркнуть, что земля, поле для него – основа всей жизни, явился свататься в лаптях, чем очень озадачил и огорчил маму, тоже знавшую полевые работы, но уже слышную на селе белошвейкой. (В наследство сестрам моим осталась ее машина Zinger. Бывают же изделия долговечными – машина исправно работает и поныне!)

Землю отец любил и был на ней работником умелым и добросовестным. В колхоз вступить не захотел. Ушел на железную дорогу грузчиком, учился потом на машини-

ста подъемного крана. Помню, как вечерами он с карандашом рассказывал маме, как устроен кран. «Если стрелу установить неправильно – кран опрокинется». И я тогда с ужасом думал: а вдруг отец забудет установить стрелу как надо? До конца жизни отец работал на железной дороге. Имел сундучок похвальных грамот и очень гордился знаком «Почетный железнодорожник», позволявшим ежегодно бесплатно и в мягком вагоне «ездить куда захочет».

Папа – Михаил Семенович.

Мама... С волнением разглядываю молодое лицо. Ей двадцать один год. Сколько всего с той поры выпало на ее долю, особенно в годы войны! Четверо детей остались у нее на руках, а фронт стоял в двадцати пяти километрах, в Воронеже. Над городом днем стояла черная пелена гари, а ночью небо было огненно-красным. И где-то близко, мы чувствовали, был Сталинград. Боясь, что фронт может сдвинуться, всех жителей из села попросили спешно переселиться в село соседнее – готовили новую линию обороны. Легко представить трудности переезда мамы с четырьмя ребятишками, один из которых еще только-только научился ходить. Житье в чужих людях с детьми, забота о еде, обуви, одежках, о здоровье семьи. Выручала все та же машинка Zinger. Под стук ее мама ухитрялась, чтобы нас ободрить, даже петь. Ночами мы с ней воровски с санками ездил в лес за дровами, на ручной мельнице мололи рожь, гнали самогон, выменивая его на солдатскую бязь, из которой, окрашивая ольховой корой, мама шила нам одежонку. Кормили семью огород и две козы. Сажая нас за стол, мама всегда говорила: «Мы вот все-таки сыты. А как там отец?» Письма отцу «на позицию» мама писала печатными буквами (два класса образования) у копилки ночами... Уже став взрослым и понимая кое-что в жизни, мамой я гордился. Труженица. С детьми была она, как наседка с цыплятами: «Уж как дети болеют – лучше самой болеть». Была справедлива со всеми. И всеми была уважаема за мудрость – к ней, помню, ходили за советом, всех она мирила, утешала, лечила какими-то заговорами. Когда после школы я оказался на распутье и был растерян, она заметила мою страсть к фотографии и при крайней бедности семьи в те годы настояла купить для меня фотокамеру.

Мама – Татьяна Павловна.

Родительских снимков осталось много. Но вот эти два всегда разглядываю с волнением. Отцу двадцать пять, маме – двадцать одно лето. А карапуз рядом с их лицами – это я, Василий Песков («Васютка» – называли меня в детстве). Мама рассказывала, что было мне тогда шесть месяцев. Рассказывала, как ездили в город «сниматься», как я захотел потрогать ручонкой стоявшую на треноге, похожую на гармонь фотокамеру... Судьба – стал фотографом...»

А это я – Васютка.

Подготовил Андрей Дятлов, заместитель главного редактора «Комсомольской правды».

1975

Река и жизнь

Окончание. Начало в томе 10.

Дом, лодка...

В летнюю жару в душном городе, в предвкушении отдыха после работы, о чем мечтает человеческая душа? О тихой воде с кувшинками, о желтом прогретом песочке, об укромном месте в осоке, где можно спрятаться от всего света с удочкой. О лодке мечтает душа, о радости поплескаться в воде, о нечаянной встрече с каким-нибудь зверем, ну не со зверем, хоть с лошастью на лужке, с семейством белых домашних гусей, с какой-нибудь птицей, парящей в небе. Где этот рай на земле? Есть такой рай. Это речка.

По нашим прикидкам, на Воронеже летом отдыхает несколько сотен тысяч людей. Чем измерить, как оценить эту работу, это благодеяние реки. Если бы роль ее в нашей жизни этим только и ограничилась (мало ли это – возвращать силу и радость уставшему человеку?!), и тогда мы должны бы беречь реку как величайшую ценность. Но, как видим, течение воды по земле используется человеком со всевозможными выгодами – хозяйственными, санитарными, эстетическими. И корень проблем состоит в том, чтобы «не загнать лошадь», чтобы река продолжала служить по всем статьям наших интересов. Стало быть, нагрузка на нее должна быть разумной тоже по всем статьям.

Рождает ли проблемы многотысячная концентрация людей на реке в летнюю пору? Да. Выделим из них наиболее существенные.

Некоторое время назад на Воронеже вспыхнула нешуточная «гражданская война». Владельцы моторных лодок столкнулись с теми, кто отдыхал на реке без мотора. Фронт пролегал под Рамонью. И случилось это потому, что местные жители и приезжие, а вместе с ними председатель райисполкома Николай Антонович Тупикин и директор сахарного завода Борис Петрович Мирошниченко опустили шлагбаум: «Далее по реке – только на веслах!» Нетрудно представить, какая поднялась буря, если в Воронеже четыре с половиной тысячи моторных лодок. К нам в редакцию шло половодье писем. Писали с обеих сторон баррикады, и каждый не сомневался в своей правоте. Аргументы одной стороны: «Это заслон техническому прогрессу!.. Они мешают нам отдыхать». А вот что писали с другой стороны: «Никакого житья не стало от лодок. Ад на реке от рева и дыма. Вода загрязняется. Берега размываются. Такая река, как Воронеж, не способна выдержать подобного натиска!»

Признаемся, эта война нас обрадовала. Она обнаружила силы, способные постоять за здоровье реки и за здоровый на реке отдых. Но издали не просто было разобраться в тонкостях конфликта, назревшего, как чувствовалось, не только на Воронеже.

И вот плывем по реке. С мотором. Идем не быстро, во соблюдение принципов, которые исповедуем, к тому же оранжевый надувной «Пеликан» на буксире и не дал бы нам разогнаться. Зато другие моторные лодки летят, едва касаясь воды. Летят вверх по реке из Липецка, возвращаются в Липецк. Едва успевает улечься крутая вода – снова моторка. Рыбаки на плоскодонках и челночках забились в осоку, в заросли кувшинок и телореза. Все равно волна настигает лодчонки, кидает их с борта на борт. Поплавки волна прибывает к осоке. Не успеет удильщик поправить снасти – новая лодка. Все возможности русского языка для протеста давно тут исчерпаны. С молчаливой злостью провожают ревуший моторный снаряд.

На этом снаряде, как мы заметили, царит не просто спокойное равнодушие, на нем восседают с торжеством всадника, которому даже и нравится попирать пеших.

Особо отличаются на моторках молодцы, пожившие на земле лет двадцать или около того. Для них лодка – мотоцикл на воде. Из мотора (а он, как правило, 20–25 сил) выжимают все. Скорость – 40 километров. Берег от ударов воды обваливается. Какой-нибудь старичок хватается весла – удержаться, не опрокинуться в плоскодонке. А двум-трем навигаторам, сидящим в алюминиевом чуде, только смешно от этого.

В пятницу, субботу и воскресенье на реке воцарялся тот самый ад, о котором писали с «фронта» из-под Рамони. Моторки шли одна за другой, временами (проверено по часам) с интервалом в сорок секунд. Над водой стоял голубоватый туман выхлопных газов и непрерывный звенящий гул. Искать в такие дни покоя и тишины на реке – все равно что в большом городе выйти «подышать воздухом» на забитую автомобилями улицу. Однако куда же деться – сидят «безмоторные граждане» на берегу с удочками, прижались к осокам на плоскодонках. Терпят. Но чувствуется: терпению придет конец.

Ниже Липецка моторок меньше (их надо перетаскивать через плотину). А по мере удаления от города мы почувствовали некую «ничейную» тихую зону – липчане на моторках сюда не доходят, воронежцам далеко подниматься. Но странное дело. Спускаемся ниже, пора бы уже воронежцам царствовать на реке. Но тихо! Благодать разлита между берегами. Безбоязненно плавают гуси.купаются ребяташки. Весельные лодки ну прямо распоясались – на самой середине реки стоят. Мы на моторке чувствуем себя в этом месте как-то неловко. Предельно тихо идем, но не все замечают подобную деликатность. С берега показывают на нас пальцами и говорят что-то явно нелестное. Рыбаки, сидящие в надутых автомобильных шинах и в каких-то складных корытцах, настроены особенно воинственно. Один решительно подгребает и берет нашу лодку на абордаж.

– Почему с мотором? Вы что, не знаете!.. Вот сейчас пойду звонить Николаю Антоновичу. Вас встретят как полагается...

Все было ясно: на рубеже под Рамонью победили весельные лодки!

Доплыв по тихой реке до Рамони, мы сами пошли к председателю райисполкома Николаю Антоновичу Тупикину поздравить его с победой.

– О, что тут было! – сказал председатель. – Писали в Верховный Совет. Грозилась. А мы спокойно стояли на своем. И победили, потому что были правы. При общественном обсуждении конфликта обнаружилось: заинтересованных в тишине на реке в сотни раз больше, чем владельцев моторных лодок. Ну и саму реку тоже ведь пощадить надо. Словом, страсти утихли. Все встало на свое место...

Проблему решили так: от Воронежа до Рамони (по воде примерно 25 километров) для моторных лодок река свободна. Но время движения их ограничено (утром проход с 8 до 11, вечером – с 16 до 21 часа). Выше Рамони – зона покоя. В необходимости этой зоны все сейчас убедились.

Разумно решилась проблема? Разумно. И это пример липчанам. По нашему мнению, поселок Доброе должен стать для моторок конечным пунктом вверх по реке. (От Липецка вниз пределом надо считать Пады.) Ну и время хождения тоже стоит продумать. И мощность моторов следует ограничить. И скорости тоже. Надо брать у реки не более, чем она способна дать.

Теперь о домах у воды... Первый намек на желание человека с хозяйским размахом селиться на лето возле воды мы заметили далеко выше Липецка. После палаток и шалашей в глаза вдруг бросился дым из печурки. При ближайшем рассмотрении оказалось: печурка дымит у свайного летнего домика, обсаженного тополями. Тут же разбит огород. Все хозяйство обнесено проволочной оградой. На краю «усадыбы» у примыкавшего к ней леска из будки глядел серьезного вида черный кобель. Идущий по берегу обязан был стороной обойти эту собственность на реке.

Нас хозяин принял любезно. Назвался: «Леонид Дмитриевич Харин. Пенсионер. За ползарплаты слежу за движением по реке – работа и отдых по совместительству. А это моя обитель». Леонид Дмитриевич снял со стола утюг, отдал жене распоряжение по хозяйству и, не дожидаясь вопросов, стал говорить.

– Вот посадил тополя. Растут!..

Мы справились: а можно ли нам, например, тут рядом осесть с огородом, с легким домишком и с тополями?

– Пожалуй, можно... – неуверенно сказал Леонид Дмитриевич.

Тогда мы нарисовали перспективу: один к одному домики с насаждениями, огороды, цепные собаки... Доступна ли будет река для тех, кто не успел на ней захватить место?

– Да... – сказал Леонид Дмитриевич.

Мы попрощались с инспектором моторного флота, лишь слегка озабоченные возможностью заселения берегов. Но скоро убедились: заселение уже вовсю идет, и наша тревога значительно запоздала.

Ближе к Липецку на берегу стали попадаться рядком стоящие фанерные и дощатые домики. Один легкий табор, другой, третий... Места, естественно, самые живописные. И почти всюду на воде – лодки, а сзади, «в тылах», – ограда, идут работы, и уже вырисовывается в перспективе поселение для летнего отдыха со знаком «Посторонним проход запрещен».

У местечка Горишное такое поселение на берегу уже оформилось. На пять километров окрест ревел репродуктор, прямо на берег из-за забора на обозрение проплывающих по реке вынесено отхожее место. Берег вытоптан и разрыт (брали песок для стройки) и, будучи в этом месте крутым, грозит постепенно разрушиться, подобраться к постройкам. «А мы реку отведем в сторону, вон туда в пойму», – сказал нам начальник зоны отдыха.

Так складываются отношения между рекой и ее поселенцами. Мы говорили уже о бульдозерах, земснарядах, подъемных кранах, бетономешалках и металлических фермах на берегу – это все лихорадка строительства. Застройщика маленького индивидуального (типа знакомого нам инспектора) вытесняет застройщик солидный – заводы, тресты, строительные организации, учебные заведения, конторы и общества. Причем берег делят азартно, по принципу: кто скорее захватит. В живописное Горишное дирекция Липецкого тракторного завода спешно ночью послала 30 грузовиков с камнем – и обошла конкурентов! В еще более живописном Сухоборье к нам в лагерь пришли челобитчики – пенсионеры, образовавшие на берегу поселок из деревянных скворечников. Теперь на берегу разворачивает свои «цеха отдыха» Новолипецкий завод. Возникла тяжба между застройщиками-старожилами и подминающим под себя берег застройщиком-гигантом...

Но надо сказать, липчане еще не успели как следует развернуться. Подплывая к Воронежу, мы вдруг почувствовали: движемся не по реке, а по некоему проспекту – электрифицированному, радиофицированному, моторизованному, шумному, застроенному справа и слева. Берега в привычном понимании не было. Дома, заборы (иногда высокие, глухие, возле самой воды), лодочные пристани, карусели, мощные репродукторы, прожектора, таблички «Прохода нет!», «Не причаливать!». Проплывая тут, мы чувствовали себя так, как будто нечаянно вторглись в чужую квартиру. Река и берег были поделены между ведомствами. Завод имени Ленина, местный ГУМ, управление железной дороги, управление местной промышленности, общество любителей-рыболовов, какой-то техникум, институт... Мы попытались было записывать всех, кто осел на реке, но потом махнули рукой – занято все, плотно, плечом к плечу. Ни птице, ни зверю, ни человеку с удочкой (без принадлежности к какому-нибудь ведомству) на берегу места нет.

Любопытства ради мы все же пристали к берегу в одном месте и пошли по дорожке между стоящими один к одному «садовыми домиками». В отличие от садоводов тут проводили лето любители-рыболовы. Признаемся, более колоритной картины за нашу, не такую уж бедную впечатлениями жизнь мы не видели. Слово «шанхай» наиболее точный образ этого поселения. На берегу в шестьсот метров (и на двести метров в глубь дубового леса) человеческими ухищрениями, выдумкой и нахальством удалось втиснуть 430 (!) свайных, вытянутых по вертикали домишек. Сосед соседу из окна тут пожимает руку. Пространство между домами завалено досками, кирпичом, рулонами толи, удочками и всякой всячиной, неизбежной в каком ни на есть хозяйстве.

Не знаем, заглядывал ли сюда из Воронежа пожарный инспектор. Ему тут есть на что посмотреть. В пожарном отношении этот поселок уподобляется сваленным в кучу коробкам спичек.

Санитарный инспектор тоже, думаем, должен обратить сюда взор. 430 домов. В некоторых домах число «рыболовов» (попросту семья) достигает пяти – семи человек. Прибавьте приезжающих сюда на субботу и воскресенье гостей. (В такие дни собирается примерно четыре тысячи человек.) Ни водопровода, ни канализации в «шанхае» нет. Для естественных нужд – несколько выгребных ям. Мусор отсюда не вывозится, его тоже хоронят в ямах. Нетрудно понять: подземные воды несут все отбросы реке. Так обстоит дело с житейскими и санитарными нормами.

Особая статья – здоровье самой реки и леса на ее берегах. Неприкосновенный водохранимый лес в этих местах обречен. Едва ли не каждый второй из дубов превратился в сухой скелет. Одна из проблем для поселка – что делать с деревьями? Первая буря может их повалить. А падая, дуб подомнет целый квартал «шанхая». Их и спилить не просто – они должны куда-то все-таки падать...

Поселок зарождался с маленького – с ночлежных приютов двух-трех десятков любителей рыбной ловли. Теперь «рыболовство-любительство» стало хорошим предлогом осесть

на реке. Председатель совета рыболовной базы Александр Федорович Чепурнов прямо так и сказал: «Рыболовов половина примерно, остальные имеют тут что-то наподобие дачи». Вот так. Дачи или что-то вроде дач. Называй как угодно. Налицо незаконное, неразумное, губительное для реки поселение.

Такие дела со строительством на реке... Сразу же скажем: мы горячо за то, чтобы река была местом отдыха. Жизнь показывает: в этом одна из больших ценностей реки, одно из ее назначений. И всячески надо реку для этих целей оберегать. Но верным ли путем пошла организация отдыха на реке? Думаем, нет. Превратить реку в шумный проспект с огнями, ревом моторов и репродукторов, с каруселями и «чертовыми колесами», с ведомственными заборами и бетонированными дорожками на берегу... Велика ли от такой реки радость? Все, ради чего человек к реке тянется, все одним махом подрублено.

Особая сторона дела – юридически-нравственная. Можно ли реку даже и во благих целях делить между ведомствами, сколь бы ни велико было наше к ним уважение? Ни в коем случае! Река – общее достояние, она принадлежит всем. Все имеют одинаковое право получить тут свою долю здоровья и радости. Сельский житель, турист, приезжий человек, горожанин, не причастный к какому-либо из ведомств, не должен встречать на реке строений, заборов и табличек «Проход запрещен». И это единственно верный подход, ибо для дележа по ведомствам не хватило бы даже и Амазонки.

И, наконец, судьба самой реки, артерии, и без того нагруженной до предела... «Шанхай» и любое другое поселение прямо на берегу – это петля для реки. Подробные объяснения вряд ли тут и нужны. Любое строительство на берегу – это повреждение леса. Большая концентрация на берегу людей и отходы их жизнедеятельности – это опять повреждение леса. А мы подробно уже рассказали, чем кончается для реки гибель леса на берегах.

Какой же выход с базами отдыха? Только один: строить их надо не на берегу. Так же, как и всегда строили – в стороне, в километре-другом от реки. А к воде, пожалуйста, с удочкой, с купальником, с одинаковыми для всех правами.

Но и в этом случае надо строго смотреть, сколько людей способен «обслужить» данный участок природы. Не велика ли будет нагрузка? Это важный вопрос. И ошибки тоже есть уже, к сожалению. Новолипецкий завод в Сухоборье неплохо спланировал базу. Неплохо построил. Но аппетит разгорелся: место хорошее, кроме заводской базы, пусть и каждый цех строит. А цехов-то на заводе – 40! И пошло. Соревнование, кто лучше, солиднее отгрохает терем, по показателям наверняка опередило соревнование по производству металла. И что же вышло. Вышел вариант «шанхая», о котором шла уже речь, разве только посолиднее да побогаче, чем у любителей-рыболовов.

В чем же дело? Неверно направляется организация баз отдыха? Верным будет сказать: с точки зрения природопользования она никак не направляется. Все идет как бог на душу положит. Оттого и издержки. И тут опять встает вопрос о хозяине на реке. О хозяине, который и в делах, связанных с отдыхом, должен сказать: «Это можно, а это нельзя, так разумно, а это нет», о хозяине, без ведома которого на реке не должен забиваться даже и кол, не говоря уже о строительстве дач или чего-то на дачи похожего.

Порядок на реках наводить надо, и срочно.

Заключение

Наивно было бы думать, что узел проблем на реке разрешается просто. Жизнь скрестила тут множество интересов, разных, противоречивых. Их невозможно все даже и перечислить. И не следует ожидать, что директива или закон (в частности Основы водного законодательства) сразу все разрешают. Проблема состоит как раз в том, чтобы заставить законы работать.

Жизнь показывает: исполнение законов природопользования – дело не автоматическое. Всегда есть соблазн за счет природы исправить ошибку хозяйствования, прикрыть нерадивость и леность, залатать дыру, а нередко и отличиться. Какое-то время природа все это может терпеть. Однако не бесконечно. И чтобы избежать критических ситуаций, законы природопользования надо уважать, разъяснять, исполнять, совершенствовать наряду со всеми другими законами.

Есть, однако, еще одна сторона дела: грамотность. Чеховский «злоумышленник» искренне недоумевал: за что же судят? «Я ведь не все гайки отвинчивал». Возникни судебное дело о злоупотреблениях в природе, мы можем сегодня услышать те же слова «о гайках». При этом ответчик может валять дурака, но может и просто не знать, что «отвинчивал» нечто важное в механизме природы. «Злоумышленник» может быть разным. Крупный хозяйственник, принявший волевое решение без учета последствий в природе. Пастух, спокойно глядящий, как коровы поедают прибрежный кустарник. Проектанты, которые все учли, но упустили из виду (будем считать, по незнанию) ущерб, наносимый проектом природе. Из этого следует вывод: всем надо учиться. Всем: академикам и плотникам, хозяйственным руководителям, школьникам, журналистам, учителям, администраторам. Это необходимость. Природопользование – наука новая. И формы учебы, как видно, должны быть самые разные: конгресс ученых, школьная программа, обязательный курс для студентов (и не только биологических вузов), семинар хозяйственников. В вузах настало время готовить экологов (экспертов природопользования). И, конечно, необходимо образование для всех. Эту роль, нам представляется, могли бы успешно выполнить средства массовой информации, телевидение в первую очередь.

Дореволюционная открытка. Вид на реку Воронеж.

Таким образом: строгость закона, с одной стороны, и сознательное, грамотное и бережное отношение – с другой, могут дать человеку надежду: Земля, как и прежде, будет снабжать нас чистой водой, здоровым воздухом, пищей и радостью жизни.

Вернемся к реке, к ее неотложным проблемам. Без промедления надо понять: вода сегодня такая же ценность, как нефть, как уголь, руда. Океаны воды не в счет. В океане, известно, терпящий бедствие умирает от жажды. Беречь надо воду, текущую в нашем доме

из крана, в ручье, озере, в речке. Это нравственная сторона дела. Что касается дел хозяйственных, тут все начинают со счета. Воду тоже надо считать. Применительно к Липецкой и Воронежской областям, где недостаток влаги всегда ощущался, считать надо особенно тщательно. Теперь же, как мы убедились, многие проектанты в своих расчетах берут некую цифру былых запасов воды. Проекты имеют в виду сток речек, которые истощились и даже исчезли. Стало быть, в расчет берется несуществующая вода. Последствия этого предвидеть нетрудно.

О главном потребителе воды из Воронежа, металлургическом Липецке... Нарращивание тут промышленных мощностей находится в прямой зависимости от запасов воды. А они на пределе. Все планы неизбежно придется корректировать с учетом этого факта. Проблема эта не относится к числу разрешимых легко и просто. Но от нее не уйти. Если придется поставить разумный предел развитию металлургии в этой зоне и возить часть курской руды на переработку в другое место, конечный продукт будет несколько дороже. Но это будет лишь справедливая плата за очень важные ценности: не истощатся реки, не нарушится жизнь и хозяйство важной хлебопроизводящей зоны, наконец, не окажется на мели другой промышленный центр на реке – город Воронеж.

На саму реку (и притоки ее) нельзя смотреть только как на бассейн воды для промышленности и сельского хозяйства. У реки есть еще третье, важное назначение: удовлетворять житейские нужды лежащих на ней селений, служить местом отдыха для сотен тысяч людей из города. Триединство предназначений должно быть незыблемым, ибо все одинаково важно.

Если раз навсегда понять: река – это ценность (ключевая ценность в хозяйстве и жизни!), частные проблемы не покажутся непреодолимыми. «Здоровье всякой реки лежит на ее притоках». Выходит, хозяйский глаз должен быть обращен в первую очередь на малые реки. Не пахать до самой воды – первая заповедь. Неприкосновенным должен быть водохранилищный лес, кустарники, питающие реку болотца. Всякое несоблюдение этого минимума надо считать преступлением закона. Но дело зашло далеко, и только одной профилактики уже недостаточно. Надо врачевать водные капилляры.

В зоне черноземных степей посажены государством (и теперь сажаются по своей инициативе колхозами) лесные полосы. Животворная сила их в этом краю проверена. Зеленый защитный пояс сажают также и вдоль дорог. Но кто, скажите, хоть одно деревце, хоть один живой колышек ивы воткнул в берег речки! Только рубим, травим скотом, корчем. Санитарная полоса насаждений шириной в шесть – восемь метров вдоль степной речки (и луговой части Воронежа тоже!) представляется делом естественным и необходимым. При этом следует помнить исторический факт: «зеленый покров Греции съеден козами». Зеленый защитный пояс, посажен ли он человеком, или создан самой рекой, должен быть сбережен от потравы скотом. Потрава защитных полос у реки должна считаться бедой более серьезной, чем потрава посевов.

Что касается «преобразовательской» деятельности на реках в угоду вкусам, амбициям и ведомственному эгоизму (спрямление русла, засыпка озер и стариц, намыв пляжей, бетонирование берега), эту бесконтрольную самодеятельность надо пресечь немедленно, ибо ощущение технической мощи в сочетании с принципом «куда хочу, туда ворочу» пагубно для реки.

Вряд ли есть смысл называть сейчас все рецепты врачевания рек. Опыт оздоровления Десны говорит: при хозяйской заинтересованности и ответственности нужные меры найдутся, и они могут быть более действенными, чем те, которые представляются в результате двухнедельного обследования реки. Но важно этой инициативе, этой ответственности пробудиться.

С горечью надо признать: голос тревоги слишком часто пропускают мимо ушей. Один из нас несколько лет назад прошел пешком от истоков до устья приток Воронежа Усманку. В меру знаний и сил были исследованы причины истощения этой прекрасной некогда речки. Что-нибудь сделано для ее сохранения? Ничего! Ее объявили... памятником природы. Горькая ирония: речку, титулованную «памятником природы», эти годы лишь добивали. В том месте, где Усманка еще хоть сколько-нибудь походила на реку, ее застроили. На берегах возведены павильоны и большие («как в Сочи») бетонные корпуса. Русло тут тоже с помощью механизмов терзали. В результате речка иссушена и задавлена. Постройки тут выглядят стадом слонов у ручья, из которого могут напиться лишь мыши.

И это не все. В верхнем течении минувшей зимой речку настиг удар отравления. Кожевенный заводик в Усмани и завод «Индикатор» вылили в воду ядовитые стоки. Вот каковы последствия этого в Воронежском заповеднике (старейший заповедник страны!). Двадцать два бобра обнаружены мертвыми. На уникальной бобровой ферме впервые за тридцать четыре года ее существования ни одна самка не принесла приплода. И это лишь то, что сразу было замечено. И это все на реке, к которой было привлечено общественное внимание.

Нелегко после этого подыматься на колокольню и снова бить в колокол. И все же не теряем надежды – речь идет о явлениях слишком серьезных. Надеемся, в Липецке и Воронеже (а возможно, и где-то еще – многие реки нуждаются в хозяйском глазе) эти наши заметки истолкуют как призыв к действию. Учитывая, что реки живут по законам, не признающим административных границ, действовать воронежцам и липчанам (а также и тамбовчанам) необходимо совместно и согласованно. Но, учитывая необычность и, что говорить, сложность дела, наверное, есть смысл обратиться за опытом на Десну. (За другим-то опытом ездим!) Однако кое-какой опыт, мы заметили, есть и на месте. В Воронеже несколько предприятий учредили экологические группы (группы советников по охране среды). Очень разумное дело! И может быть, к месту придется такое суждение: при областном исполкоме, при других учреждениях (не только областных), где принимаются важные хозяйственные решения, необходимо сегодня иметь специалистов по охране среды. Называть их можно советниками или как угодно еще. Важно, чтобы это были люди квалифицированные, с чувством гражданской ответственности, способные помочь ведомству или отдельному человеку избежать невольных ошибок.

Насколько необходимо сегодня заключение эксперта и сколь важно к нему прислушаться, говорит хорошо известный воронежцам (и не только воронежцам) спор, возникший лет десять с лишним назад. Агроном и писатель Гавриил Николаевич Троепольский публично предупреждал: «Осушение земель в нашем краю пониженной влажности – большая ошибка. Надо остановиться!» Не послушались. Продолжали искать «резервные гектары» для пашни там, где искать их не следовало. Исчезновение маленьких речек, обмеление больших, резкое понижение уровня грунтовых вод – в немалой степени результат неразумного «осушительства», результат самонадеянности в обращении с природой.

Горький опыт надо учитывать. Но важнее предвидеть последствия хозяйственной деятельности. И если уж оступились – надо немедленно поправляться. Перекладывать эту работу лишь на «Общество по охране природы» – значит, надеяться на вахтера и дворника при видимых неполадках на заводе. Водная система – важнейшее звено, «коренная лошадь» в хозяйстве. Силами и средствами всего хозяйства (колхозного, районного, областного, государственного) необходимо и решать возникающие проблемы.

Всякая профилактика и ремонт требуют средств. Мы не знаем, на какой полке должны лежать для этого деньги. Но будет странным, если они не найдутся. Река Воронеж, к примеру, служит десяткам крупных заводов, десятки колхозов качают из нее воду и пользуются благами ее поймы, сотни тысяч людей городских предприятий проводят на реке отдых. Река покорно несла это бремя, не требуя платы. Теперь пришло время платить. Не по-хозяйски

(если действовать по расчету) и безнравственно (если иметь в виду нормы поведения человека в природе) не увидеть нужды реки.

Две частные проблемы... Моторные лодки. Думаем, все, что увидели мы на Воронеже, может служить наглядным уроком и для других мест. На больших реках (Волга, Днепр, Ока, Кама) лодки с моторами не помеха. На таких же, как, например, Воронеж, Сейм, Северский Донец, Псел, «малый моторный флот» подавляет многие другие интересы людей на реке. Требование запретить хождение по реке с мотором либо регулировать это движение так же, как это сделали на Воронеже, надо считать и нормальным, и разумным. Областной властью в каждом конкретном случае эта проблема вполне разрешима.

Строительство на берегах и сопутствующее ему «преобразование реки» – дело более серьезное. Вся пагубность застройки берегов, мы думаем, достаточно ясна. Необходимо только добавить: Воронеж – не единственная река, где это все наблюдается. Мы считаем, эта проблема должна решаться законодательными мерами. И очень важно, чтобы нас услышали в Комиссии по охране природы Верховного Совета СССР.

И, наконец, «о хозяине реки», о ведомстве, которое следило бы за соблюдением уже принятых законов, за возникающими проблемами, регулировало бы отношения водопользователей и пресекало бы нарушения. Мы уже говорили, что деятельность «Гидрохимической лаборатории» (Липецк) и «Бассейновой инспекции» (Воронеж) перед лицом обозначенных проблем практически близка к нулю. Возможны такие решения. Учредить самостоятельный контрольный орган по охране внутренних водоемов. (Нынешнее совмещение в Министерстве мелиорации и водного хозяйства РСФСР производственных и контрольных функций приводит к преобладанию чисто практических интересов над интересами охраны ресурсов и окружающей среды.) Если же будет найдено, что организационную структуру менять не следует, то надо резко повысить роль существующих «бассейновых инспекций», поднять их работу до высоты возникших задач. Тут многое надо менять: бюджет, технические возможности, правовой уровень, степень ответственности и компетентности. Это должен быть в полном смысле строгий государственный глаз за использованием воды. Надо, чтобы руководитель этого ведомства имел бы не робкий совещательный голос, с которым хозяйственные руководители, как правило, не считаются, а веское слово «в пользу воды», когда налицо равнодушие, заблуждение, злоупотребление или сиюминутные интересы. Руководитель инспекции должен иметь право вето в случае, если какой-то проект или волевое решение нарушают закон водопользования, он должен искать наказание для виновных и сам нести ответственность, если что-нибудь проморгал. Только при этих условиях законы водопользования будут работать.

Штат у инспекции должен быть достаточным, чтобы иметь технически оснащенную оперативную группу для надзора за всем, что происходит на важнейших реках бассейна. Сейчас можно встретить патрульный надзор за движением лодок (что-то вроде речного ГАИ), сама же река, берега реки находятся без какого-либо присмотра.

...Всякое соприкосновение с текущей водой лишней раз убеждает: рек незначительных нет, у каждой свое предназначение, и о каждой можно сказать словом народной мудрости: «Река – это жизнь», или, например, строчкой судебного протокола: «Река не только источник наслаждения, она – настоящее богатство» (из решения Верховного суда по делу природопользования). О Кривке старый лесник Яков Никитич Полянский сказал: «Извелась речка – как будто кровь у меня по жилам течь перестала. Вся жизнь прошла на этой реке». «Она все еще хороша...» – сказал о реке Воронеж Савелий Васильевич Ратников. «Все еще хороша» – состояние, как мы увидели, нестабильное. И надо торопиться реке на помощь. Важно, чтобы внук Савелия Ратникова, принимающий реку сейчас такой, какая она досталась ему в наследство, на склоне лет мог бы сказать: «Она все еще хороша...»

Фото В. Пескова и из архива автора. В. Дежкин, эколог. В. Песков. 19–23 ноября 1975 г.

1976

Орган Центрального Комитета ВЛКСМ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОДИННИТЕСЬ!

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА

Выходит в мае 1976 г. Вторник, 11 мая 1976 г. № 111 (15672)

В. М. Песков и А. С. Борова (в центре)

Поздравление товарищу Л. И. Брежневу маршальского знака отличия

Ваше имя, товарищ Л. И. Брежнев, является синонимом доброты, справедливости и мудрости. Мы гордимся тем, что вы возглавляете нашу партию и нашу страну.

Выступление товарища В. ПОДГОРНОГО

Товарищ Л. И. Брежнев! Вы человек, которому свойственны добротота, справедливость и мудрость. Вы человек, который умеет слушать и слышать. Вы человек, который умеет работать и трудиться. Вы человек, который умеет любить и заботиться. Вы человек, который умеет жить и творить.

Мы гордимся тем, что вы возглавляете нашу партию и нашу страну. Мы уверены, что под вашим руководством наша страна будет процветать и развиваться.

Выступление товарища Л. И. БРЕЖНЕВА

Спасибо вам, товарищи, за добротые слова и поддержку. Мы будем продолжать работать и трудиться на благо нашей страны и нашего народа. Мы будем продолжать бороться за мир, дружбу и сотрудничество между народами.

Мы уверены, что под вашим руководством наша страна будет процветать и развиваться. Мы будем продолжать бороться за мир, дружбу и сотрудничество между народами.

Часовые здоровья

Здоровье — это основа всего. Мы должны заботиться о своем здоровье и здоровье окружающих. Мы должны вести здоровый образ жизни, заниматься спортом и закаляться.

Ваше имя, товарищ Л. И. Брежнев, является синонимом доброты, справедливости и мудрости. Мы гордимся тем, что вы возглавляете нашу партию и нашу страну.

Мы гордимся тем, что вы возглавляете нашу партию и нашу страну. Мы уверены, что под вашим руководством наша страна будет процветать и развиваться.

Здоровье — это основа всего. Мы должны заботиться о своем здоровье и здоровье окружающих. Мы должны вести здоровый образ жизни, заниматься спортом и закаляться.

Ваше имя, товарищ Л. И. Брежнев, является синонимом доброты, справедливости и мудрости. Мы гордимся тем, что вы возглавляете нашу партию и нашу страну.

БЫСТРЕЙ, ЕНИСЕЙ!

В этот раз строители Саяно-Шушенского ГЭС работают быстрее. В год уже в график вошли 10 тысяч человек.

Строительство Саяно-Шушенского ГЭС идет полным ходом. Работники предприятия работают быстрее, чем когда-либо. Это позволяет им опережать график и вносить вклад в развитие нашей страны.

Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении отличников производства. Мы награждаем тех, кто внес значительный вклад в развитие нашей страны.

Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении отличников производства. Мы награждаем тех, кто внес значительный вклад в развитие нашей страны.

Дикая жизнь Окно в природу

Первый раз я увидел их года четыре назад. В осеннем лесу вечером пугающе громко листья шуршат даже под лапками мыши. На меня же из темноты сквозь белесые стебли сухой крапивы явно неслись кабаны. И только в последний момент я понял, что это собаки. И испугался. Откуда собаки на ночь глядя в лесу?

Собаки, как видно, тоже не ждали встречи, гавкая, они смешались и кинулись врассыпную. Но через долю минуты я их увидел бегущими строгой цепочкой. Поляна между дубами, и по ней друг за дружкой – быстрые тени. Я насчитал их более десяти.

Через неделю в деревне Зименки я заглянул к пастуху Василию Ивановичу Боровикову, полагая, что озадачу его рассказом. Но он не раз уже видел эту компанию.

– Дикие. Они тут хуже волков. Будешь идти опушкой – возле ручья увидишь мертвого кабана. Считаю, они загнали...

Так состоялось знакомство со стаей. С тех пор следы ее жизни я наблюдаю почти всякий раз, когда приезжаю в знакомый мне до последней тропинки лес к востоку от Внукова. Зимой в стогу обнаружилось логово, где собаки спасались от холодов. В другой раз по следам удалось проследить, как собаки гнались за лосем. Одолеть огромного зверя они не сумели, и, возможно, охота была лишь спортивным азартом. Но кровь на снегу говорила, что дело дошло до зубов, и лосю пришлось защищаться. Нетрудно было представить при встрече с собаками участь лосенка, зайца, лисы и всех, кто не в силах был постоять за себя. Зубастый гребешок своры буквально прочесывал лес. Повсюду, где раньше встречались узоры разных следов, теперь встречались только следы собачьи.

Однако дичь сравнительно небольшой территории не могла прокормить орду прожорливых хищников, и я не удивился, когда застал однажды собак на примыкающей к лесу пашне – артель охотилась за мышами.

В бинокль я в отдельности разглядел каждого землекопа. Их было двенадцать. Лапы и морды у всех перепачканы черноземом. И только эта деталь окраски как-то объединяла разношерстную, разнокалиберную компанию. Верховодил в этой артели кофейного цвета ловкий поджарый кобель.

Несомненно, этот странный и необычный коллектив был как-то организован. Распределение ролей на охоте, дележ добычи, взаимоотношения полов, степени подчинения, соблюдение дисциплины, манера передвижения – все это регулировалось какими-то незримыми для меня правилами. И удивительней всего – правила эти были «написаны» заново, как только возникла эта собачья вольница. Впрочем, так ли уж заново? Скорей всего, в каждой из этих собак ожило наследство стайной, подчиненной стройным законам жизни. Однако и опыт общения с человеком тут не забыт. Живут почти на виду у людей. Но как удивительно ловко избегают они опасность! В который раз наблюдаю за ними. Но только бинокль помогает как следует их рассмотреть. Дистанция в восемьсот метров предельна.

* * *

Историю их появления удалось проследить без труда. За деревней Летово одну из лесных полей отвели под огромную свалку. То, что мы с вами спускаем в мусоропровод и что потом с наших дворов увозят мусоросборщики, попадает сюда, за город, на свалки. В хаосе всяких отбросов, обрывков, обломков и отслуживших вещей есть и остатки пищи. Для бродячих собак свалка – это просто обетованная земля. И очень много бродячих псов, избе-

жав ловчей петли санслужбы, нашло дорогу за город и осело у свалок. Тут тоже не вполне безопасно – санитарная служба не дремлет. И все же, добывая в мусоре пропитание, легко увернуться от выстрелов – рядом лес.

По наблюдению знакомого мне пастуха, у свалки в Летово образовались, как сказал бы ученый, две популяции собак. Одна была прочно привязана к свалке (и, конечно, ее без большого труда истребили), другая почувствовала вкус дикой жизни и превратилась в стаю вольных охотников. (Возможно, и не в одну стаю.) Можно представить, каким суровым и жестким был в этой группе отбор. И, надо полагать, только немногим удалось приспособиться к дикой жизни. Однако потомство от новоявленных дикарей было, конечно, жизнеспособным.

Однажды летом на дорожке в густом орешнике меня облял прелестный щенок. Это был лоснящийся темно-бурый футбольный мяч с хвостиком, с торчащими вверх ушами и двумя угольками глаз. Держался он с покоряющей смелостью. Я присел достать из мешка фотокамеру, а щенок лаял, загородив тропинку, уверенный: этот лес принадлежит ему и только ему.

Снимок сделать не удалось. За спиной послышался шорох и рычание взрослой собаки... Все остальное длилось не более двух секунд. Маленький шалопай был схвачен за холку, и я не успел даже как следует разглядеть рассерженную мамашу – с мгновенно притихшей ношей она нырнула в орешник... Собачья вольница жила полноценной жизнью, пополняясь потомством, возвращенным по правилам дикой природы.

* * *

Но лес и пашня с мышами никак не могли прокормить возраставшую шайку диких охотников. Рискую попасть под выстрелы, они, несомненно, ходили и к свалке. Однако минувшей осенью свалку закрыли. Возвышаясь в лесу огромным холмом, она уже не вмещала отбросов. Гору хлама слегка разровняли бульдозером и оставили зарастать бурьянами.

– А что же собаки? – спросил я старых друзей, найдя их дома у печки.

– О, такие новости! – сказал пастух. – В Прокшино у Дмитрия Воробьева едва отбили у них телка. В Пенино на прошлой неделе двух коз порешили...

– Да врут, наверное, Василь Иванович, – подзадорил я собеседника, – и про волков, ты ведь знаешь, много всяких рассказов...

Пастух не обиделся:

– Врать могут. Но ведь легко и проверить – Пенино рядом.

Я вырезал палку потолще и вышел из лесу к Пенино, когда в деревне уже светились окна.

– Не у вас ли собаки коз порешили? – с порога вместо приветствия спросил я хозяев.

– У нас... – нерешительно ответил мужчина, чинивший шапку...

Оценив интерес собеседника к подробностям происшествия, хозяин сказал, что сейчас приведет человека, который видел все сам.

Вернулся он с соседкой Сидоровой Марией Алексеевной. Она рассказала, что 9 октября днем шла с работы и шагах в пятистах от опушки, за деревенскими огородами, увидела: стая собак рвет козу. Бедняга была привязана и только отчаянно бляла. «Я закричала, замахала руками. Они отбежали к лесу и стали глядеть на меня. Тут я заметила, что слегка опоздала. Козы было две. Одна стояла, тряслась. А другая чуть в стороне лежала уже без движений».

Расспросив Марию Алексеевну, как выглядели собаки, я узнал в разбойниках старых своих знакомых.

* * *

В Пенино и в Зименках, как и во всякой лесной деревне, есть, конечно, охотники. Но в последние годы в большом «зеленом кольце» Подмосковья охота запрещена. А тут вдобавок и не на кого было охотиться – собаки чистили лес под метелку. И надо ли удивляться – владельцы ружей при общем сочувствии объявили собакам что-то вроде священной войны.

Недели три я не был в этих местах. А появившись как раз перед зазимком, завернул за «собачьими новостями».

– Война... Война идет! – засмеялся пастух. Одну застрелили. Этим и кончилось. Они хитрее охотников...

В тот день удивительный случай помог мне не просто снова столкнуться со стаей, но и стать свидетелем драмы, какую не так уж часто встречаешь в природе.

После долгой погожей осени наступила пора ненастья. Лес был тихим и кротким. Из Зименок после чая у пастуха я шел вдоль ручья, дивясь, как искусно, возле самой тропы, прятали гнезда сороки. Сейчас в облетевших ольшаниках гнезда висели подобно забытым шапкам. И вдруг где-то рядом раздался раздирающий душу крик. Я не понял даже сразу: человек или зверь? Но почувствовал: так может кричать существо, оказавшись в большой беде. Подбежав к повороту ручья, я никого не увидел. И хотел уже двигаться дальше, но оглянулся и на кладке через ручей заметил что-то пушистое, по виду похожее на ондатру.

* * *

Но это была собака. Минуты было довольно, чтобы понять беду, в какой она оказалась. Друзья по стае были тут, рядом – я видел, как в редколесье мелькнули Кофейный и белая собачонка. Но мое появление было для них сигналом – спастись. А эта, попавшая в западню на мостке, как видно, приготовилась к самому худшему. При моем приближении собака взвыла и затряслась мелкой дрожью. В ее глазах я увидел страшную ненависть и бессилие.

Кладка через ручей была сбита поперечными планками из трех липовых жердочек. Тут, опираясь на шест, проходили в Зименки люди. Собаки тоже, как видно, не раз пробегали по жердочкам. Но в этот день моросил дождь. Все было мокрым и скользким. Одна из собак оступилась. Лапа ее скользнула между двух пружинящих жердочек, собака свалилась

в ручей, заклинив в нежданном капкане заднюю ногу. В таком положении я ее и застал: нога и хвост наверху, туловище в воде, а голова над водою с другой стороны мостка. Большого бессилия и безнадежности трудно было представить...

Странное существо человек.

Профессор Гржимек, вспоминая о встрече с животными в Африке, говорил: «Нельзя равнодушно смотреть, как лев сбивает с ног антилопу. Понимая законы жизни, антилопе все же сочувствуешь. Но однажды я встретил в саванне старого льва. Глаза у зверя слезились. Он не мог не только охотиться, он не мог даже двигаться – антилопы небоязливо ходили в десятке шагов. И что вы думаете, я сделал? Я застрелил антилопу и положил ее старику...»

Тут на ручье у Зименок возникла похожая ситуация. Я лучше, чем кто-то другой, понимал, каким злом для всех обитателей леса были эти собаки. Но поднять сейчас руку на терпевшего бедствие или даже пройти равнодушно мимо не смог бы, как я подумал, даже старик, потерявший недавно козу. Сделав несколько снимков, я стал искать способ помочь собаке.

Дело оказалось не слишком простым. Ручей от дождя вздулся, и гибкий мостик, как только я на него ступил, уходил в воду, грозя утопить и собаку. К тому же собаке не объяснить намерений, и надо было соблюдать осторожность, как только пленница станет свободной. Я отыскал шесть подлинней и покрепче и стал концом его раздвигать жерди, державшие лапу. Минут пять я возился, доставляя собаке мучения. Но, странное дело, она поняла, что бояться меня не надо. Она по-прежнему мелко дрожала. Но глаза! На меня глядели испуганные и преданные глаза. Я подумал: вот так же, наверное, собака глядела когда-то на своего хозяина.

Для успеха неожиданной операции нужна была помощь самого пострадавшего. Надо было заставить собаку нырнуть и выскочить на другую сторону мостика. И собака сообразила, что надо делать. Она нырнула, и сразу же лапа ее скользнула вниз из раздвинутой щели. И все окончилось. Собака поплыла к берегу, вылезла из воды, испуганно оглянулась и, прихлопывая ногу, кинулась в лес...

Недавно уже на лыжах я сделал обход своих мест. Собачьи следы! А были когда-то и заячьи, и лисьи, и даже тетеревов лет пятнадцать назад я снимал в лесах между Киевской и Калужской дорогами...

* * *

Теперь осмысление этой истории... Есть такое понятие «экологическая ниша». Оно означает, что в сложных хитросплетениях живой природы для каждого существа есть свое определенное место. Оно обусловлено многими причинами длительной эволюции. Упрощенно так: карась в воде существует при наличии в ней подходящих для этого вида рыбы условий: характер пищи, температура и состояние воды. У щуки своя экологическая ниша: она в воде, «чтобы карась не дремал».

Такой «щучкой» в наших широтах искони был волк. Он занимал нишу хищника – регулятора жизни. Но хозяйственная деятельность человека давно нарушила природные взаимосвязи. Волк стал пользоваться плодами человеческого труда (добыть овцу в стаде гораздо проще, чем, например, выслеживать лося) и этим поставил себя вне закона. Во многих местах волк почти был полностью истреблен. Таким образом, одна из природных ниш оказалась свободной.

Но, как говорится, свято место пусто не бывает, на наших глазах происходит удивительное явление: экологическую нишу волка заполняют дичающие собаки. То, что я наблюдаю в тридцати километрах к юго-западу от Москвы, характерно для многих мест Подмосковья. То же самое наблюдают во Владимирской, Ярославской, Калужской, Ивановской областях. Причем в одних случаях хозяевами леса становятся собаки, в других – уцелевшие волки,

не находя себе пару, «обручались» с собаками и дали потомство очень жизнеспособное. Из разных мест сообщают о появлении этих, темной окраски волков-собак.

Собаки и волки-гибриды – дерзкие и хорошо приспособленные к новым условиям хищники. Они прекрасно охотятся, не брезгают отбросами и, как видим, готовы задрать козу и теленка, напасть на собаку, стерегущую дом.

Вести борьбу, как уже убедились охотники, с новоявленным хищником очень непросто. Собаки и волки-собаки не боятся людей и в то же время умело избегают опасность. На облавах, оказавшись в окладе, они прыгают через флажки. Их побаиваются охотничьи собаки. Потомство, как замечено, они приносят в разное время года, приспособившись под «родильные дома» скирды соломы.

Таков неожиданный «заместитель волка» в наших лесах. Волки, впрочем, тоже воспрянули духом. По самым последним данным, число их в европейских зонах страны за восемь лет возросло примерно в четыре раза.

Фото из архива В. Пескова. 18 января 1976 г.

Человек с севера

В позапрошлом году он появился в Москве с медвежонком.

Медвежонок (это была медведица, нареченная Айкой) родился на юге, в зоопарке города Николаева. Москва была для него перевалочным пунктом по дороге в Норильск. Там Айке предстояло пожить в квартире вместе с людьми и лететь потом на родину своих предков дальше, на Север. Оператор и режиссер Юрий Ледин задумал фильм о белых медведях и готовился к экспедиции в Арктику. Присутствие Айки, как он полагал, даст дополнительные сюжеты, но самое главное, интересно было узнать, как поведет себя прирученный зверь, встретив дикарей-родственников. «Если увидим, что Айка способна прожить во льдах, там ее и оставим».

Год спустя ночью у меня зазвонил телефон.

- Я прямо с аэродрома...
- Так приезжай, ты что, дорогу забыл?
- Я не один. Я с медведицей.
- А где же она?
- Да вот у будки...

Утром мы позвонили в Берлин профессору Датте, спросить, не передумали они взять киногероиню на жительство в зоопарк?.. Все было в порядке. И я увидел трогательное прощание человека со зверем.

– Север ей не понравился?

– Да нет, с нами ей было там хорошо. Но дикий мир для Айки отрезан. Я рад, что нашлось хорошее место.

– А фильм?

– Пока это десять километров отснятой пленки. Сажусь монтировать...

Теперь фильм готов. Юрий Ледин уже принял первые поздравления, и я хочу представить вам этого человека.

* * *

Ему сорок семь. Когда я шутя говорю: «Юрь Яныч, не на ярмарку, с ярмарки едем», он начинает смешно сердиться. «Да ты что! Ты знаешь, сколько нам надо еще облазить. Это только со спутников Земля кажется маленькой». Отглядывая места, где он уже был, зная его характер и хватку работать, я всегда думаю: таким людям надо бы отпускать две, а то и три человеческие жизни. И все до последнего дня он заполнил бы делом, страстью все видеть, обо всем рассказать...

Он ленинградец. Вместе с городом пережил все, что выпало пережить в 41-м и 42-м годах. «Рос я баловнем – чуть ли не за руку в школу водили. И вдруг сразу остался один. От голода умер отец и следом мать...» В тринадцать лет жизнь подхватила его и понесла, как щепку в потоке. Он помнит: плыл по Ладоге под бомбежкой. Потом вместе с другими ленинградскими ребятишками его везли куда-то на поезде, но, заболевшего, вынесли из вагона в Коврове. Два года лежал. Из больницы его взяли в колхоз. Тут он прошел деревенскую школу жизни: научился пахать, косить, был мельником... Есть в его биографии работа пионерским вожатым, секретарем комсомольской организации, работал фотографом (делал «карточки», объезжая лесные поселки на мотоцикле).

К полярным районам привязала его работа в Институте Крайнего Севера. Сначала с фотокамерой, потом с киноаппаратом объезжал он стойбища оленеводов и, как сам говорит, «постепенно врос в эту жизнь с коротким летом и долгой зимой».

* * *

Его работа, точнее сказать, теперь уж дело всей жизни – киносъемка животных.

В последние годы все мы привыкли путешествовать, не покидая дома. В теплом жилье садимся в кресло у телевизора, и этот волшебный «ящик» переносит нас в джунгли, в пустыню, на дно океана, на Крайний Север. Привыкая к доступности зрелища, мы забываем нередко, что за ним стоит человек. Большие знания, труд, терпение, выносливость, бывает, и риск стоят за каждым удачным кадром, снятым в природе.

О Юрии Ледине я слышал такие слова: «Он на Севере свой человек». Что это значит – быть своим человеком на Севере? Привыкнуть к морозам, к ветрам, к долгой полярной ночи – это уже немало. Но одно дело жить, например, в Норильске, в городе со всеми человеческими удобствами, другое – быть постоянно в дороге, причем забираться в такие места, где человеческий след – уже редкость. При такой жизни уют в теплом чуме дорожке ночлега в хорошей гостинице. Но в тундре надо уметь при нужде уснуть, зарывшись и в снег, не брезговать сырым мясом, мороженой рыбой. Путешественник в этих местах – сам себе доктор, сам должен уметь починить кинокамеру, магнитофон, мотор, рацию. Здешний транспорт –

оленья упряжка, собаки, лодка, лыжи, подбитые камусом. Ездят в этих краях без дорог, определяясь по сопкам, по звездам, по ветру, по запаху дыма. Эти науки Ледин освоил.

И еще человеку на Севере надо хорошо знать местную жизнь, обычаи здешних людей. «О, Юрий приехал! Заходи, заходи!» Этот радостный возглас в избушке охотника или в чуме оленевода означает, что гость и в самом деле на Севере не чужой человек.

Сама работа его тоже не всякому по плечу. Она сродни охоте за зверем. Точнее сказать, это охота и есть, только сложнее. Тут мало выследить зверя. Надо высмотреть тайну жизни, а это дается очень немногим. Но Юрий удачлив. Редко бывает, чтобы в Норильск возвращался он без добычи.

Охотник с ружьем после удачи обычно созывает за стол друзей – «на утку, на медвежатину». У охотника с кинокамерой весь свет в друзьях. Назовем имена людей, глазами которых в последние годы мы заглянули в недоступные ранее тайники жизни. Француз Кусто, немец Гржимек, болгарин Григорьев, англичанин Даррелл, швед Йильсетер. И вот, вырастая от фильма к фильму, в этот ряд по праву встает Юрий Ледин. Его успех, помимо всего, покоряет еще и тем, что нет за плечами у этого человека ни ВГИКа, ни специального образования биолога, не снаряжали для него дорогих экспедиций, и даже не центральные наши студии научно-документального кино вырастили талантливого человека, а далекая Норильская телестудия. Честь и хвала всем, кто причастен к работе над фильмами Ледина. Но, конечно, основой успеха является личность самого автора. Страстный и выносливый путешественник, зоолог, сценарист, режиссер, оператор и, конечно, художник, поэтически осмысляющий все увиденное, воплотились в одном человеке. И если кого-то надо назвать как помощника Ледина, то этим человеком является жена Юрия Яновича Людмила Ледина.

Юрий Ледин на съемках.

Даже простое понимание интересов мужа дало бы ему и силы в работе, и радость. Но тут мы имеем особый случай. Людмила – постоянный участник всех поездок, походов, всех экспедиций мужа по Северу. Зная тяготы путешествий, я всегда с восхищением думаю об этой удивительной северянке. Она не просто друг-спутник, который собирает цветочки, пока муж за работой. Она делит с ним труд и все, что ложится на его плечи. Людмила наравне с мужем умеет править упряжкой собак и оленей, водит моторные нарты, умеет стрелять, на ней лежит обязанность управлять лодкой, пока муж снимает. Она и сама научилась владеть

кинокамерой. И нередко муж и жена снимают сразу с двух точек. Остается сказать: все эти навыки женщина обрела, находясь рядом с мужем. (Ледины поженились, когда Людмила после десятилетки определилась работать в аптеку.)

С Айкой.

Двенадцать лет двое людей ходят по Северу вместе. Тундра от Кольского полуострова до устья Лены помечена их двойным следом. Они проплыли на лодке низовье Печоры, Лены, Оби и множество маленьких речек, текущих по тундре. Они жили на островах и плавали в море Лаптевых, Баренцевом и Карском морях. Их удачи имеют не два, а четыре крыла.

Летом 1971 года Ледины высадились на крошечном «атолле» в Ледовитом океане. Песчаный остров, имевший форму кольца шириной в шестьдесят метров, во время отлива возвышался над океаном, а в прилив вода покрывала его почти полностью. Двое людей с палаткой, лодкой, бочками пресной воды и бензина спасались на маленькой вышке, сооруженной на скорую руку из плавника. Кроме них, на песчаном кольце жило несколько тысяч моржей и пара белых медведей. В такой компании Ледины провели лето. Конечно, это был не курорт. Но они вспоминают житье на «атолле» как очень счастливое время – «для съемок это был рай». Все остальное: жилье на помосте, соседство моржей, медведь, подобранный к оператору сзади почти вплотную, – вспоминается без эмоций: «Обычное дело в работе». Фильм под названием «Моржи», снятый тем летом, покорила всех, кто видел его.

Всего Юрий Ледин снял более десяти фильмов, посвященных животному миру. За их названиями («Олененок», «А кругом тундра», «На родине кайры», «Моржи», «Краснозобая казарка»...) стоит многообразная жизнь Севера, подсмотренная влюбленным в нее человеком. Фильмы эти принесли Ледину почетную известность не только в нашей стране. На ежегодных форумах купли-продажи фильмов представителю СССР задается ставший привычным вопрос: «А что снял Ледин?» Представитель шведского телевидения Б. Норделл по поводу его фильмов писал: «Как деловой человек я знаю: прежде чем покупать фильм, его надо увидеть. Но фильмы норильского режиссера и оператора Ледина я покупаю немедленно, как только узнаю, что они есть».

Фильм «Моржи» был куплен и показан более чем в пятидесяти странах. Что стоит за этим коммерческим фактом? Признание мастерства режиссера и оператора? Да. Знакомство

миллионов людей с природой нашей страны? Да. Гордость, что мы имеем мастера, умеющего работать на уровне самых высоких требований? Да. Но и коммерческая сторона дела имеет, конечно, значение. Если фильм продан в полсотни стран, значит, на эти деньги можно купить полсотни таких же удачных фильмов. Значит, на наших экранах мы увидим природу всех уголков Земли.

* * *

Фильм о белом медведе Юрий Ледин задумал давно. Долго к нему готовился. В мае 1974 года я получил телеграмму: «Завтра мы вылетаем».

Для наблюдения жизни медведей был выбран необитаемый остров Чами в архипелаге Земли Франца-Иосифа.

На этот раз экспедицию составили четверо: Людмила и Юрий Ледины, их восьмилетняя дочь Вероника и медведица Айка.

Пять месяцев жизни на ледяном острове хорошо показаны в фильме. Много мы видим в течение часа: человеческий быт в необычных условиях, впечатляющую арктическую природу, видим, как этот суровый мир принимает и понимает ребенок (Вероника уже не впервые участвует в странствиях вместе с родителями), но главный герой киноповести – Белый Медведь.

Этого хищника, сильного, интересного, еще не привыкшего опасаться людей, снимали уже немало. Но были это обычно лишь эпизоды встреч со зверями. Юрий Ледин спокойно, неторопливо и обстоятельно проследил повседневную жизнь белых медведей.

Перед съемкой вопросов было немало. Как рожденная в зоопарке и воспитанная под человеческой крышей Айка будет чувствовать себя на родине предков? Как отнесутся медведи-аборигены к появлению людей и странной медведицы в обществе человека? Как живут медведи на острове, чем питаются, как растет их потомство? И реально ли прожить почти полгода на острове, не только не избегая животных, но, напротив, отыскивая с ними контакты? На эти вопросы получены все ответы.

Жанр снятого фильма являет собою сплав наблюдений и поэтическое осмысление увиденного с исследованием, представляющим несомненный интерес для науки. Мы видим, например, как медведица приучает двух своих малышей к охоте и самостоятельной жизни. Видим: пища в этом суровом крае добывается очень большим трудом, и, если есть способ получить ее с меньшим усилием, звери предпочитают именно этот путь. Мы узнаем: у медведя есть птицы-нахлебники (чайки), сопровождающие своего хозяина в ледовых странствиях. Медведи едят траву! Ходят и щиплют ее, как козы. Разве это не интересно?!

Отношения Айки и дикарей... Еще раз наглядно показано: не прошедший суровую школу дикой природы отрезан от нее навсегда, он не способен выжить в природе и не стремится туда вернуться. Айка проявила любопытство к сородичам. Но осталась граница, которую она не решилась переступить. Ее мир – это трое людей, крыша над головой и еда в миске. И она этот мир пытается защищать, увидев, что к дому приближаются дикари...

Велика ли дистанция, разделявшая человека и диких медведей? При съемке расстояние измерялось иногда десятком шагов. Когда же люди закрывали дверь в домике, от медведей их отделяла всего лишь стенка. И обошлось без крови! Это не значит вовсе, что белый медведь благодушен. Но это ставит под сомнение частое утверждение: «Зверь напал и был убит в порядке самозащиты». Юрий Ледин считает: «Медведь идет к человеку, потому что он любопытен. В критической ситуации медведя достаточно напугать, чтобы он шел своей дорогой, а человек – своей».

Фото В. Пескова и из архива автора. 24 января 1976 г.

Горсть зерен Окно в природу

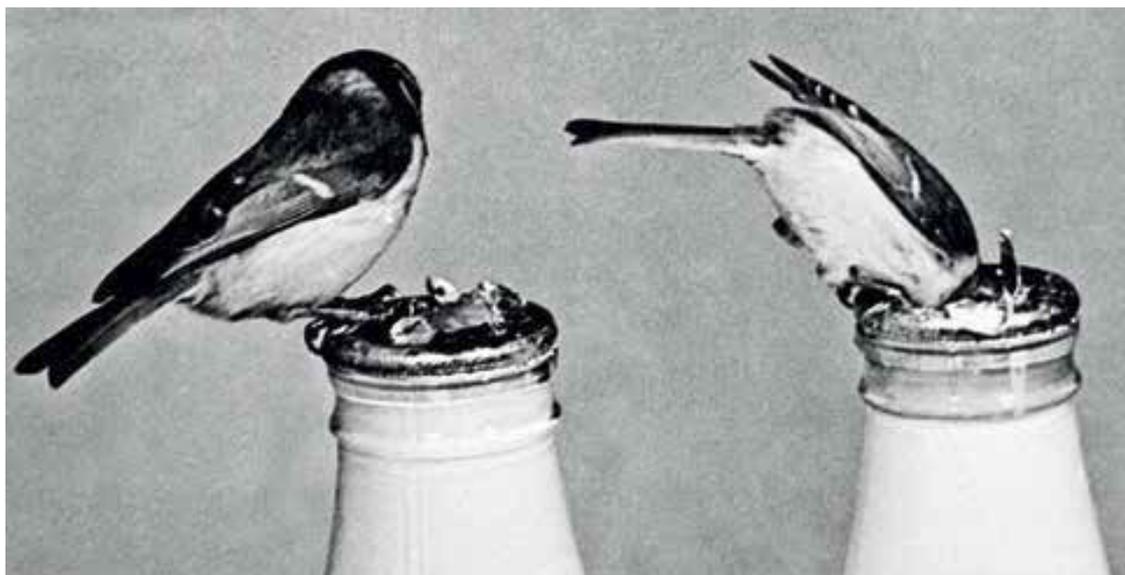
Их настигают одновременно холод и голод. Они становятся небоязливыми и доверчивыми – могут сесть на руку, залетают погреться в метро, в магазины. Третьего дня мне позвонили сразу из нескольких мест: «Нашли замерзших синиц». Не мудрено. В отличие от нас птицы не могут одеться теплее, и если расход тепла превышает восполнение его пищей, птица обречена. Вот почему пернатая братия льнет сейчас к человеку.

У нас во дворе растет кустик боярышника. С осени на нем мотались две ягодки. Две всего уродилось. И, представьте, ягоды были отысканы! Однажды вечером из окна я увидел на кусте – свиристель. Каким образом эта лесная птица в огромном городе отыскала двор и в нем две крупинки еды?

Или вот посмотрите, как научились добывать корм лондонские синицы. Бутылки со сливками молочник ставит возле дверей. Какая-то птица в каком-то году сделала это немаленькое для синиц открытие, и теперь все синицы знают, что надо делать, увидев бутылку.

Сообразительность и находчивость птиц в зимний мороз, однако, может и не спасти. В такое время важно протянуть птицам руку. Горсть зерен, кусочек сала, хлебные крошки и февральские холода – спасение для пернатых. Подкормочным пунктом может быть подоконник. Но лучше, конечно, сделать кормушку. Пофантазируйте сами, как сделать. (Главное, чтобы площадка для корма была доступной для разных птиц и чтобы корм не засыпало снегом.)

Пятиклассники 717-й московской школы в прошлое воскресенье развесили в подмосковном лесу две дюжины фанерных «шалашиков» с кормом. А вот какой затейливый домик-столовую увидел я у писателя Леонида Максимовича Леонова. К этой кормушке уже несколько лет по привычке прилетают синицы, воробьи, дятлы, снегири, свиристели.

Ничто не охранит птиц больше, чем любовь к ним.

Фото В. Пескова и из архива автора. 7 февраля 1976 г.

Дружья из берлоги Окно в природу

Это было минувшим летом. После ходьбы по лесу мы присели передохнуть, и вдруг на поляну к нашему костерку выкатились два медведя-подростка. От неожиданности медведи поднялись на задние лапы и, пригнувшись, с полминуты нас изучали. Мы испугались: по всем законам на сцене вот-вот должна была появиться медведица. Но вышел из леса человек с палочкой, и обстановка сразу же разрядилась.

– Вы что же, им вроде матери?

– Точнее сказать – опекун...

Увидев рядом с собой покровителя, медведи сразу же успокоились: начали вприпрыжку скакать по поляне, мигом распотрошили под сосной муравейник, а потом, испугавшись чего-то, вернулись к ногам человека и стали тереться носами о сапоги.

Медведи легко приручаются. На старых ярмарках и в нынешних цирках звери в обнимку с покровителем-дрессировщиком делают много веселых трюков, и, кажется, совсем неплохо чувствуют себя среди людей. Тут картина была другой. Два резвых зверя были явно свободными и держались в лесу, как подобает держаться диким медведям. Человек рядом с ними вызывал в памяти не циркового артиста, а легендарного Сергея Радонежского, к лесной избушке которого будто бы дружелюбно являлся медведь и брал из рук человека еду.

Пока мы знакомились с одетым в спортивную куртку и резиновые сапоги нынешним «отцом Сергием», медведи обшаривали поляну. Они заламывали кусты, подымали камни, слизывая с них какое-то лакомство, потом исчезли в лесу, и мы не видели их минут двадцать.

– Не тревожитесь?

– Прибегут...

К лесному поселку возвращаемся вместе. Для медведей дорога – сплошная цепь приключений: поймали в луже лягушку, подрались из-за брошенной кем-то тряпицы, отстают, забегают вперед, повисают, как дети, на гибких кустах черемухи, привстав на задние лапы, за чем-то пристально наблюдают.

* * *

Весной позапрошлого года зоолог Валентин Пажетнов наблюдал за медвежьей берлогой. Шалаш-укрытие он сделал в полсотне шагов и хорошо видел: в полдень медведица выходила из логова, грелась на солнце и снова скрывалась. По звукам зоолог определил: в логове два медвежонка. Особой тревоги, явно чувствуя наблюдателя, медведица не проявляла. Однако в последний день марта она вырвалась из берлоги взъерошенная, сделала в сторону шалаша два устрашающих броска. Струхнувшему наблюдателю пришлось закричать. Зверя это остановило и, как видно, здорово напугало. Сделав большой полукруг, медведица скрылась в лесу и больше к берлоге не возвращалась. На руках человека остались два маленьких («с рукавицу») медведя.

Валентин решил попытаться заменить медвежатам мать – выходить их, не отрывая от обычной среды обитания. Задача была непростой. Медвежата ходят за матерью целых два года – перенимают опыт добывать пищу, усваивают, чего надо, чего не надо бояться. Воспитание у медведей – наука тонкая, кропотливая. Человек все тайны звериной жизни не знает, и надежды зоолог возлагал на инстинкты. «Воспитание – воспитанием, но очень многое в поведении животных определяет наследственная программа. Надо создать условия, чтобы эта программа начала проявляться», – так рассуждал ученый.

На третий день общения с медвежатами подтвердился известный закон поведения животных. В раннем возрасте у них проявляется «инстинкт следования». Малыши, еще не ориентируясь в сложном мире, следуют (идут) за движущимся объектом, доверяются ему. Происходит признание-запоминание этого объекта, запечатление его в памяти, рождается привязанность к нему. В нормальных условиях таким объектом для многих животных является мать. А если это будет не мать? Закон все равно продолжает работать! Утята, вылупившись из яиц под курицей, за курицей и будут следовать, хотя во дворе они позже увидят и утку. Действие этого закона известно многим: чем раньше новорожденные зверь или птица попали в руки, тем больше шансов их приручить. Если при этом не упущен «момент запечатления», можно рассчитывать на привязанность и преданность животного.

Как проявилось все это в истории с медвежатами? «Два дня они жили со мной в палатке. Я их кормил молоком, но, кажется, был для них безразличен. На третий день я вышел набрать в ведро снега для чая, и тут медвежата, как по команде, бросились за мной,

не обращая внимания на лужи и глубокие лунки в рыхлом снегу. Казалось, никакая сила не способна их удержать».

Два года прошло уже с этой минуты, но поведение медведей полностью подтвердило закон привязанности. «Мне помогала работать жена. Но «матерью» был для них я. Испугались – ко мне. Я проявил в лесу к чему-нибудь любопытство – и они тоже. Занялся чем-нибудь необычным – внимательно смотрят. Особого подражания не увидел, но что касается следования – куда я, туда и они. Смена одежды вводит их иногда в заблуждение. Но стоит мне надеть куртку, в которой они признали меня впервые, спокойствие, преданность и доверие сразу же возвращаются». Валентин считает: запечатляют медведи не только зрительный образ, но также звуки и запахи. Он склонен думать: для медведей запах играет, возможно, первостепенную роль.

* * *

Весну, лето и осень растущие звери и человек провели вместе. Каждый день непременно лесная прогулка два-три часа. А время от времени – двухнедельная вылазка. Дальние переходы медвежата переносили легко и даже затевали возню, когда человека валила усталость. Во время пути они убегали далеко в сторону, непрерывно исследую все вокруг. Спрятаться от них было нельзя. «Потеряв из виду меня, они начинали бегать кругами, все время их расширяя, попадали в конце концов на мой след и тут уж легко находили».

Месяца три (до июля) медвежата вели себя, как два маленьких исследователя. Все было им интересно, и они открывали для себя мир, не очень его пугаясь. Летом поведение изменилось. Любопытство все увидеть и оценить по принципу «опасно-неопасно, съедобно-несъедобно» осталось. Но появилась и осторожность. Изучая новый объект, они теперь часто в панике убегали и спасались на дереве. Особый испуг вызывали встречи с большими животными. Столкнувшись неожиданно с лосем, они забрались на сосну и просидели там целый день.

Уже в мае (через месяц после выхода из берлоги) медвежата, получая молоко из бутылки, стали сами подкармливаться молодой травкой. Постепенно они вовсе были сняты с довольствия и кормились тем, что сами находили в лесу.

Обучать добыванию пищи медвежат не пришлось. Наследственная память помогала им безошибочно определять, что для медведя пригодно и что непригодно. Запах муравейника привел их в сильное возбуждение, и они усердно взялись ворошить явно съедобную кучу, не сразу, правда, поняв, как следует добывать из мусора лакомство. Гнезда полевок и ос они тоже с первого раза зачислили в свой рацион. Птенцы, птичьи яйца, коровий и лосиный помет, травы, слизняки под камнями, черника, малина, брусника, рябина – все находилось в лесу без подсказки.

Однако важно не только пищу найти, но уметь ее взять. Вот тут иногда возникала загвоздка. Простая штука – сунуть морду в гнездо и проглотить яйца, иное дело – пчелиный борт, лакомство – рядом, а попробуй-ка взять. Не тотчас медвежата поняли, как надо ловить лягушек, как правильно разрывать муравейники, собирать ягоды. Особенно много хлопот доставил медведям овес. «Попробовали – вкусно! Легли и стали по зернышку загонять языком в рот. Способ явно неподходящий: за вечер кормежки съели граммов по триста зерна... На четвертый день научились собирать в лапу метелки овса и скусывать. На пятый день наловчились орудовать обеими лапами. К восьмому дню сформировался четкий (одинаковый у обоих) прием, каким «убирают» овес все медведи. С восьми часов вечера до двух часов ночи они съедают пять – семь килограммов зерна...»

Восемь месяцев жизни рядом с медведями дали зоологу редкие, уникальные наблюдения. Дикая жизнь, обычно скрытая от людей пеленой леса, предстала перед глазами ученого не разрозненными моментами, а вся целиком.

Эксперимент продолжается. Смысл его состоит теперь в том, чтобы выяснить, будет ли человек и дальше медведям необходим, или, соприкасаясь с ним и доверяя ему, они остались все же животными дикими, способными выжить в природе? Первый ответ на этот вопрос получен.

* * *

«Приближалась зима. Если медведи лягут в берлогу, значит, работа была не напрасной, если станут жить под боком у меня иждивенцами, значит, надо поставить точку и отдать зверей в зоопарк...»

Большой надежды, однако, Валентин не питал. Лишь на Кавказе медвежата нередко в первый же год покидают медведицу-мать и уходят в спячку поодиночке. В средних широтах такого не наблюдалось. Но не ложиться же в спячку вместе с медведями! А может, все-таки лягут и сами, если как-нибудь пробудить в них инстинкты зимовки?

В ноябре Валентин увел медведей в укрытое место и принялся, как это делала бы и медведица, строить берлогу: выбрал под сваленным деревом место, стал носить туда мох, еловые ветки. Медвежата на это занятие не обратили внимания. Но вот пошел первый снег, и звери сразу переменялись. Притихли. Перестали кормиться. И тоже принялись за строительство. Но место выбрали сами. Наносили коры, елового лапника, листьев. «Возились четыре дня. И все это время я находился в пяти шагах от зверей».

«28 ноября повалил сильный снег. Медведи укрылись в берлоге, и я уже их не тревожил. Утром услышал: медведи храпят. И тихо ушел».

Зимовка прошла спокойно. В конце марта медведи выбрались из берлоги. Валентин ждал этого часа. Но звери спросонья его не признали, вскочили на дерево и сидели там целый день. «Я издавал привычные для них звуки, неторопливо пробуждая в медведях воспоминания. Наконец медленно, осторожно они подошли, понюхали куртку. И сразу же успокоились».

Прошла весна. Еще одно лето и осень. Все было, как в первый год – ежедневные выходы в лес и долгие, трехнедельные путешествия. «У меня была редкая возможность наблюдать, как медвежата превращались во взрослых медведей. Прodelал множество экспериментов, выясняя, что значу я для медведей и как незаметно и навсегда оставить зверей в лесной глухомани».

Вырастить во дворе или в доме осиротевшего медвежонка – дело нетрудное. Но вернуть уже взрослого зверя в природу вряд ли кому удавалось. Зверь, не прошедший лесную школу, тянулся опять к человеку. Можно вспомнить много разных историй, как медведи грабили на дорогах прохожих, запускали лапы в кузова к грибникам. Участь таких животных всегда одинакова: цепь или клетка, а чаще выстрел. Вот почему опыт зоолога Пажетнова так интересен.

Недавно я получил письмо. Валентин пишет из Калининской области. «Медведи опять в берлоге. Выбрали место в таком заломе, что трудно было их наблюдать. Легли опять вместе, хотя перед этим очень скандалили. В конце марта жду пробуждения. И сразу начну от них отдаляться. Я много узнал за два года. Очень привык к этим двум существам. Но я буду счастлив, если однажды они от меня убегут и уже не вернуться. Значит, все было сделано правильно».

Фото автора. 23 марта 1976 г.

На Оке в полдень

Минувшее воскресенье было ненастным, и все же над Окской поймой катились волны весны. Сквозь кисею снега мелькали стаи скворцов, снижались и уходили вдаль косяки уток, летели чибисы, чайки, дрозды. Над поймой тянулось русло великих весенних перемещений птиц.

Ока в этот день была серой и неприветливой. Вдоль берегов темнела вода. Лед еще не сломало, но тронуться мог он в любую минуту.

– Кто же это рискнул в такое-то время?..

Мы потеряли бинокль. Олени! Четыре оленя прыжками одолели ледовое поле, смело бултыхнулись в воду у берега, переплыли ее. Проводив их глазами до леса, мы снова взглянули на реку и тут поняли: не все олени благополучно достигли цели. В крошечке льда маячили головы с рогами и без рогов.

– Ночью, как видно, ушли кормиться. А утром под старой привычной тропой лед раскололся...

Как им помочь? Мы бросились в дом лесника. И через четверть часа уже впятером бежали к реке с досками, веревкой, надувной лодкой и солдатскими плащ-палатками.

В два приема на лодке достигли массива льда. Теперь бегом (лодка волоком на веревке), бегом к тонущим!

В западне.

Сразу же стало ясно: близко к оленям не подойти. Вдоль правого берега Ока сильно вздулась. Бурого цвета поток несет мелкие льдины. Чуть ниже белая каша застопорилась. И в этом месиве каким-то чудом еще держатся на плаву четыре оленя.

На выручку.

Лесотехник Виктор Петрович Карлов обвязывается веревкой и ползком, толкая перед собой лодку, достигает кромки воды. Он переваливается в лодку, и мы с ужасом видим: этот смельчак в любую минуту может разделить участь оленей. Надо ловко лавировать, не дать лодке попасть между льдинами. Мы с лесником Борисом Гашевым держим веревку. Она короткая. Борис продвигается к самому краю подмытого льда. Теперь рискуют сразу два человека.

Еще одно усилие!

В течение получаса метр за метром лодка движется к цели. Для оленей эти полчаса – целая вечность. Рогатый самец уже с трудом держит голову над водой. Течение подтянуло

его к ставшей на дыбы льдине. Олень пытается вскинуть передние ноги на эту опору, но раз за разом они соскальзывают, а ослабевшее тело течение тянет вниз. И вот в последний раз мелькнули рога... То же самое повторилось с двумя оленями.

Вот и на берегу!

Шансы спастись есть теперь только у молодой самочки. Она смогла выбраться на льдину размером чуть больше стола и дрожит на ней, как осинный лист. Если б она понимала, что в лодке – ее спаситель! Но нет, человека она боится, и страх в последний момент заставляет ее прыгнуть со льдины в воду. На наших глазах олень и лодку тянет к затору. И там в какие-то две-три секунды все разрешается. Виктор Петрович прыгнул из лодки на льдину и тут же успел схватить за холку и олениху. Еще минута – связать ей ноги. Еще минута – на животе подползти к краю льдины и подтянуть лодку...

Отогревается...

Потом на веревке мы тянем лодку с оленем и человеком в ледяном крошечке, тянем по хрупкому льду. Потом олениху несут на плечах. Потом опять переправа на лодке. Обесси-

ливший Виктор Петрович оступается при посадке и вылезает на берег мокрый до нитки. Он выливает из сапог воду, выкручивает в руках свитер, отмахивается от попыток ему помочь.

– Оленя, оленя как следует вытирайте...

Олениху укрыли плащом, досуха вытерли и развязали ей ноги.

...От берега к лесу бежали двое. В одну сторону – олениха, в другую, к кордону – Виктор Петрович. Обоим надо было согреться.

Фото автора. 8 апреля 1976 г.

Минута жизни

Как летит время! Ребятишкам, рожденным в том памятном гагаринском апреле, сейчас пятнадцать. И они по нашим только рассказам могут представить весну, когда все мы вглядывались в лицо этого смоленского парня. Пятнадцать лет. А как будто вчера прозвучало и эхом откликнулось во всех уголках земли его имя.

Он жил среди нас. Мало жил. И отчасти поэтому каждый шаг, каждый день этой жизни, отмеченный чьей-нибудь памятью, нам особенно дорог.

Одна из его фотографий... Что-то очень для нас дорогое есть в этом снимке. Смоленщина. Осенний серенький день. Перелески, поля со стожками соломы. И человек на земле в минуту тихого счастья... Большие заботы оставлены в городе. Можно, как в детстве, поваляться в соломе, поискать ягоды и грибы, походить у болота с ружьем. В такие минуты человек верит, что жизнь бесконечна. И эти вот перелески можно еще увидеть не раз и во сне, и вот так, наяву...

Гагарин был на этой земле колоском, выше других поднявшимся к небу. Но рос он на поле вместе со всеми, и потому каждый из нас ощущает родство с его жизнью, в которой были и звездный час, и вот такие минуты земного тихого счастья.

Снимок сделал смоленский фотограф Андрей Лукашенко. Фото из архива В. Пескова. 11 апреля 1976 г.

Уроки «моря» Окно в природу

Несколько телеграмм и звонки «приезжайте немедленно» заставили спешно ехать в Воронеж.

Причиной волнения многих людей была гибель рыбы. Вскрылась река, и половодье вместе с мусором выбросило к берегам вороха рыбы. Полной картины бедствия я не застал, однако даже следы того, что случилось, заставляли проезжавших вдоль берега остановиться – в воде кверху брюхом плавали огромные судаки, сазаны, щуки. «В дни, когда это все началось, берег завален был рыбой. Мы даже не предполагали, что в нашем «море» столько ее развелось. И вот сразу все обратилось в мусор. Видеть эту картину было невыносимо больно». Так рассказывают очевидцы. Мертвую рыбу на грузовиках увозили от водоема. Сейчас вороны и чайки доклевывают на песке подсыхающих судаков. Но случившееся продолжает волновать воронежцев. Как это произошло? В чем причина? Как избежать повторения бедствия? Ответы на эти вопросы пока еще не получены. Для выяснения всех обстоятельств гибели рыбы создана комиссия. Однако во избежание кривотолков и фантастических предположений уже теперь можно назвать вероятные причины случившегося.

В русском языке давно существует слово «замор». Оно означает гибель рыбы от недостатка в воде кислорода. Чаще всего заморы бывают зимой, когда вода, покрытая снегом и льдом, не насыщается кислородом. Рыбе нечем дышать. Она устремляется к лункам, прорубям, трещинам и промоинам, ко всем местам, где вода соприкасается с воздухом и получает живительный кислород. Чем мельче водоем, чем больше он зарастает (в воде протекают органические процессы, поглощающие кислород), чем глубже вода промерзает и чем дольше лежит на ней лед, тем больше вероятность замора.

На небольших озерах, прудах и болотистых речках в суровые зимы заморы – явление частое. В деревенской изустной летописи такие годы запоминались: «Это было, помните, когда рыба горела».

Большие реки, чистые и глубокие водоемы заморам, как правило, не подвержены. Иное дело искусственные «моря». Зеркало воды тут немалое, но мелководье, растительность, отсутствие тока воды делают их уязвимыми не только в суровые зимы, но даже и летом при долгом безветрии, когда вода кислородом не насыщается. Большое «цимлянское море» два года назад подверглось опустошительному замору. И только серьезные меры и бдительность предотвратили беду в минувшую зиму.

А под Воронежем эта беда случилась. Местное «море», сооруженное несколько лет назад по причине острой нехватки воды для промышленности, оказалось особенно уязвимым. Причины этому: крайнее мелководье, почти сплошные поля водной растительности, плохо очищенная вода, спускаемая в реку липецкой промышленностью, исчезновение и обмеление притоков реки Воронеж, где рыба могла бы найти убежище от удушья. При этих условиях первая же суровая зима сделала свое дело.

Фатальны ли для «воронежского моря» подобные бедствия? Если не принять мер, бедствие неизбежно повторится. Это искусственно созданное «море» без «искусственного дыхания» в суровые зимы обходиться не может. В этом убеждает опыт «цимлянского моря» и ряда других хранилищ воды. «Искусственное дыхание» – это аэрация воды с помощью насосов, прямое насыщение воды кислородом, устройство прорубей, полыней. Даже малые лунки удильщиков-рыболовов, хотя и не способные в целом решить проблему, все же благоприятны для рыбы. Ну и, конечно, важно, чтобы текущая в «море» речная вода (в данном случае из промышленного Липецка) должна быть приемлемо чистой.

Надежны ли эти меры? Опыт рыбоводных хозяйств на других искусственных водоемах показывает: катастрофическую гибель они предупреждают. Всюду, где в этом году применяли интенсивную аэрацию, бедствия не было. Специалисты говорят, правда, что воронежское водохранилище в силу специфических особенностей «наиболее трудное» из всех. Но другого пути нет. И, чтобы картина этой весны не могла повториться, надо действовать энергично.

«Воронежское море» не является зоной промышленного лова. О рыбе должны заботиться рыболовы-любители, городские власти и, конечно, городская промышленность, ради

которой водохранилище и построено. Создавая с помощью нынешней техники водоемы и другие искусственные образования окружающей нас среды, мы создаем системы, иногда не способные к автономному жизнеобеспечению. Логика требует с помощью техники же сохранять эту жизнеспособность. «Воронежское море» – как раз такой случай. Без «кислородной подушки» жизнь в этом море потухнет. Технические средства для поддержания здоровья воды большой промышленный город, несомненно, может найти, но нужна, конечно, энергичная организующая рука, кровная заинтересованность в том, чтобы «море» радовало, а не огорчало людей.

Бедствие этого года – серьезный урок. Можно его объяснить отсутствием горького опыта в этом районе. Теперь налицо этот опыт, и если подобное повторится, то придется говорить уже о безответственности.

И замечание к этому разговору. Осенью прошлого года наша газета опубликовала заметки о проблемах, возникших на наших реках. Проблемы эти были прослежены на примере реки Воронеж. (Очерки «Река и жизнь», «Комсомольская правда» от 19, 20, 21 и 23 ноября 1975 г.) Большое число писем и откликов свидетельствует о том, что газета коснулась важной стороны жизни. С наибольшей заинтересованностью мы, разумеется, ждали откликов из районов, где протекает река. Их пришло много. Но тщетно мы ждали писем от руководителей исполнительной власти в Липецке и Воронеже. Река замерзла, а теперь вот и вскрылась, вошла в берега. Пора бы знать уже, что думают в исполкомах Липецка и Воронежа по существу проблем, затронутых в публикации, какие меры, какие планы намечены по существу сказанного в газете.

Мы еще вернемся к разговору, начатому очерками «Река и жизнь». И было бы огорчительно засвидетельствовать равнодушие к заботам, имеющим жизненно важное значение.

Фото М. Калугина (Воронеж) из архива В. Пескова. 25 апреля 1976 г.

Южная точка Отечество

Проводник сказал: «Приехали – Кушка...»

Глядя в окно на зеленый картуз пограничника, я вспомнил школьный урок географии, слова учительницы: «А это самая южная точка нашей земли». Какая-то магия содержалась в этих словах – захотелось увидеть самую южную точку. И любопытство с возрастом не исчезло...

Маленький городок. Несколько улиц, зажатых между горой и рекой с названием Кушка. Река небольшая, но, видно, с характером – желтого цвета вода змеится в песчаных отмелях и потоках, зеленые берега далеки друг от друга. Бывает время: Кушка вспухает, катит по руслу камни и все, что встает на пути у потока. Известны годы, когда вода приносила из-за границы мертвых овец, пастушьи юрты и самих пастухов. Город остерегается строить что-либо вблизи от реки.

Город льнет к спокойной пологой горе. Летом гора бывает сплошь желтой. Солнце (температура в июле – августе переходит отметку «40») ничего не щадит в южной точке. Но в этом году весна затянулась. Гора возвышалась изумрудно-зеленой и местами алела от маков. Желтели на ней только глинистые дорожки. Тропы тянулись кверху из разных концов городка и сходились все в одной точке у памятника-креста.

Монумент с парящими над ним птицами виден издалека. И хотя самая южная точка границы лежит отсюда в нескольких километрах, монумент означает ее у Кушки. (В начале века такие же знаки-кресты были поставлены на севере, западе и востоке России).

Монумент в Кушке.

Город с верхушки горы виден до мелких подробностей. Кажется, протяни руки – и он уместится на двух ладонях. Дома из белого камня, дворики у домов, зелень акаций, кленов,

карагачей, линейки улиц, линейка рельсов и линейка шоссе, уходящие в Афганистан, – все на виду. Населенная точка появилась в этих предгорьях с назначением «сторожить государство». Роль эту Кушка выполняет поныне.

* * *

Отдаленность в истории поселения (год основания Кушки – 1888-й) всегда играла особую роль. «Дальше Кушки не загонят, меньше взвода не дадут», – так шутили царские офицеры. Наиболее строптивых власти посылали как раз сюда, в надежде, что отдаленность утихомирит и охладит вольнодумцев. Таким образом в Кушке копился, концентрировался взрывоопасный для царской власти человеческий материал. И совсем не случайно огонь революции в Петрограде сейчас же вызвал вспышку в далекой маленькой Кушке. Любопытны подробности первых шагов революции здесь. К коменданту крепости генералу Востросаблину прямо с митинга («долой царское правительство!») пришла солдатская делегация. Генерал беседовал с делегатами очень спокойно и сразу же пригласил к себе пристава и жандарма: «Я решил передать власть Советам».

Любопытно, что в Кушке в свои советы и комитеты солдаты выбрали офицеров. Не обойден был и сам генерал Востросаблин. «На митинге, – читаем в заметках местного краеведа, – генерал пробовал отказаться, но толпа не послушалась. «Дворянин... Ничего! Голосуем! Дашь генерала!»

Вести обо всем, что вершилось тогда в России, достигали далекую Кушку без промедления. Стояли поезда. Месяцами валялись на станциях газеты и письма. Ташкент и Баку напряженно следили за новостями. А Кушка получала их вовремя: четко работала новинка по тем временам – мощная радиостанция, принимавшая Петроград, Москву, Киев. За новостями в Кушку слали гонцов.

Шли сюда и за помощью. Из Ташкента в трудный момент прибыли ходоки от рабочих, и Кушка откликнулась. Ташкенту послали пятьсот стрелков, две пушечные батареи, двенадцать пулеметов. Помощь была эффективной и сделала свое дело. Командовал революционной экспедицией кушкинцев полковник, прибалтийский барон Шульц...

Так проявила себя самая южная точка России.

* * *

Кто, по-вашему, самый интересный человек сейчас в Кушке?

Мой собеседник, немолодой уже прапорщик Василий Дмитриевич Гвоздев, потрогал ус, погладил внука по голове и твердо сказал, что главные люди тут пограничники, а самый известный человек в городке, несомненно, таможенник Анатолий Иванович Колеватых...

В белом домике (семь шагов от границы) «самый известный человек в Кушке» занят был делом. На крылечке таможни в покорной позе виноватого человека сидел афганец в чалме и в калошах. Оформлялись бумаги пограничного происшествия – афганец, посетив родственников, нес в кушаке два килограмма серебряных украшений.

– Обыкновенно небогатые люди, возвращаясь домой от родственников, везут лампы, котлы, гвозди, лопаты, ножи. А этот решил заработать... – Анатолий Иванович поднялся из-за стола и дал подписать афганцу бумагу. – Все. Украшения будут возвращены родне, а вы ступайте домой.

Молодой пограничник поднял шлагбаум, и афганец пошел по бетонной дороге домой за границу. Чалма, халат, калоши с загнутыми кверху носками... Что-то грустное было в этой фигуре мелкого контрабандиста, уходившего по пустынной дороге.

– Довольно обычное мелкое дело, – сказал Анатолий Иванович.

- Бывали и покрупнее?
- Бывали...

Старожил Кушки прапорщик Василий Дмитриевич Гвоздев.

Анатолию Ивановичу – шестьдесят. Сюда, в Кушку, он приехал в 44-м с фронта без правой руки. Тут долечился, тут остался работать, сюда к нему приехали мать и отец. Дети выросли тут, у границы. Дочь Лидия после учебы вернулась в Кушку учительницей. Сын Виктор стал лейтенантом, служит на одной из застав.

– Мы тут, в Кушке, все пограничники...

Шлагбаум, у которого служит Анатолий Иванович, поднимают довольно часто. Кушка – ворота в дружественную страну. В Афганистан тут проходят вагоны и автофургоны с машинами, удобрениями, пшеницей, сахаром, посудой и тканями, разным мелким товаром. Обрато вагоны идут груженные кожами, фруктами.

– Ну и, конечно, есть соблазн у разных людей провезти кое-что незаконное для собственной выгоды. Идут на всякие хитрости. Задача – эти хитрости разглядеть. Вот и вся моя служба...

Дом Анатолия Ивановича самый крайний к границе.
– Полторы тысячи шагов от порога до края страны...
Навстречу хозяину выбежал кот и стал тереться о ногу. Зеленел огород, сушилась на
кольях посуда. Из трубы вился вечерний мирный дымок.
Домик у гор был самой южной жилою точкой нашей земли.

Фото автора. 27 мая 1976 г.

Очень важные две недели... Окно в природу

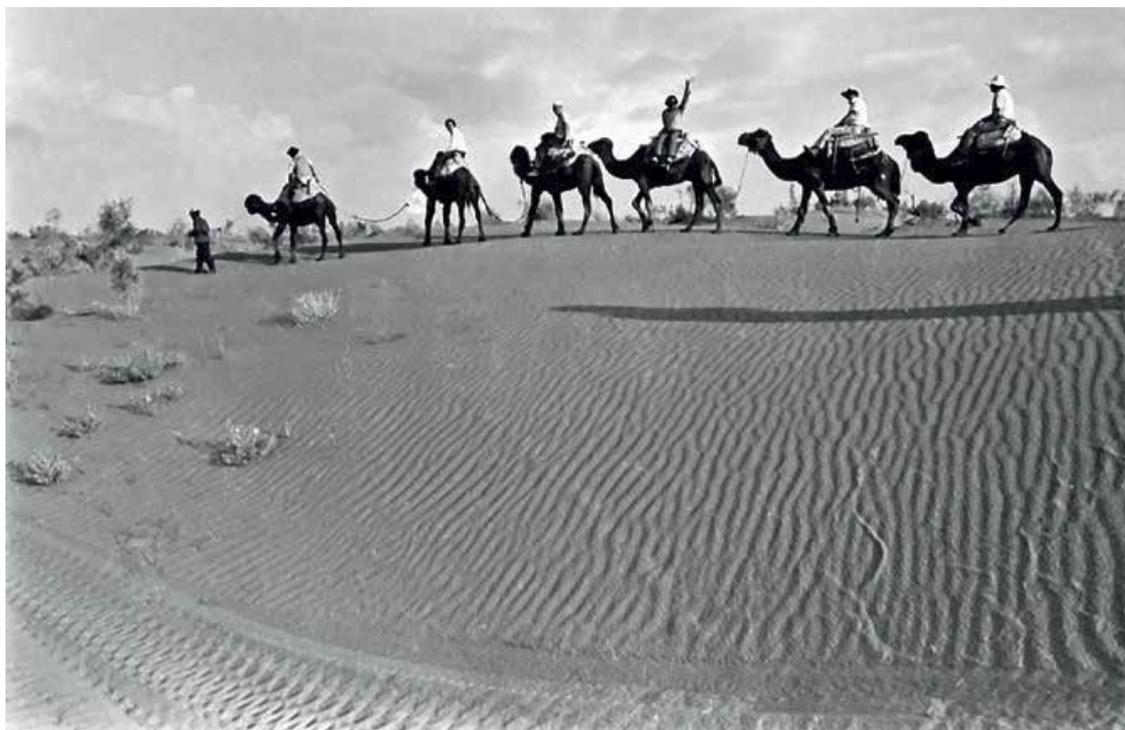
Путешествие на верблюдах было лишь символическим. Шутили, фотографировались, проехали километра два, а потом – время дорого – сели на вездеходы и по барханам – в центр заповедника...

Две недели гостили в Советском Союзе американские биологи. Они побывали в Москве, в академгородке Пушкино, в заповедниках под Воронежем и под Курском.

Эти снимки я сделал в Туркмении в заповеднике Репетек. Жара была беспощадная. Переносили ее легко, пожалуй, только верблюды. У людей, однако, был строгий регламент работы: заседали под крышей, лазали по барханам и саксауловым зарослям, находили минуты поохотиться с фотокамерой за животными. А поздно вечером, «когда солнце уплывало в Америку», дело доходило и до застольных речей.

Сотрудничество советских и американских ученых по изучению биосферы и охране среды обитания человека развивается, по мнению обеих сторон, вполне хорошо. На этот раз совместный симпозиум был посвящен созданию в разных зонах Земли так называемых биосферных заповедников.

Короткое пояснение... Существует несколько форм заповедности дикой природы. Одна из них – заповедники нашей страны. Другой пример – национальные парки в Америке. (Музеи природы, где исключается хозяйственная деятельность, но куда допускаются люди.)

Теперь возникла необходимость иметь в природе не только музеи, но и лаборатории, точнее сказать, некие «испытательные полигоны». Для этого в разных зонах Земли (Арктике, тундре, в лесах, степной полосе, в пустынях, горах) выделяются районы исследования. Тут будет изучаться нетронутая природа, а также влияние на нее «антропогенного пресса» – различных форм жизнедеятельности человека. Важно знать (и попытаться выразить в точных понятиях и величинах) влияние на природу, например, железной дороги, жилого мас-

сива, нитки нефтепровода, пастьбы скота. Для «точки отсчета» и всякого рода сравнений здесь выделяется «зона покоя» – тщательно охраняемый эталон природы. Предполагается, таким образом, утвердить научно обоснованные нормы хозяйственной деятельности человека без катастрофического разрушения природы. Задача эта нелегкая, непростая. Во избежание ошибочных выводов важно для каждой зоны иметь не один «испытательный полигон». Сходство природных зон территории США и нашей страны подсказало: работу надо вести параллельно, чтобы, сравнивая результаты, делать выводы без ошибок.

Поиску сходных районов исследования и обсуждению методов предстоящей работы и был посвящен только что закончившийся симпозиум. С советской стороны его возглавлял академик Владимир Евгеньевич Соколов, с американской – крупный лесовод-эколог Джерри Франклин.

В Репетке я беседовал с доктором Франклином. Он убежден в необходимости совместных исследований и верит: развиваться они будут успешно.

Фото автора. 2 июня 1976 г.

Украшение неба Окно в природу

Мы подъезжали к Кушке. Было раннее утро, но пассажиры уже стояли у окон. Дорога вела наш поезд мимо зеленых, еще не спаленных солнцем холмов. Низины между холмами и у дороги были заполнены красным разливом маков. Небо было сияюще синим, воздух – без единой пылинки. Но украшением утра были, конечно, птицы. Они сидели на телеграфных столбах, большие, небоязливые, библейски спокойные. Почти на каждом столбе. Я насчитал их четыре десятка и сбился, вернее, отвлекся, потому что в небе увидел вдруг птичий парад. Вороны, сипы, грифы, орлы и черные коршуны парили в небе. Глаз нельзя было отвести от плавного неспешного хоровода. Ни крика, ни взмаха крылом. Огромные птицы огромным числом висели в небе, описывая круги над какой-то привлекательной для них точкой.

Этой точкою была бойня. Двумя днями позже я приехал на склон холма и спокойно из-за укрытия мог наблюдать и величавый небесный парад, и пир хищников на земле.

Вряд ли в нашей стране есть еще место, где можно увидеть подобное зрелище. Хищные птицы повсюду теперь очень редки. Тут же, на юге Туркмении, в районе Бадхызского заповедника, птицы, парящие в небе или сидящие у дороги, – обычное зрелище. Обилие пищи (главным образом грызунов), спокойствие заповедника, удаленность этих земель от мест обитания человека сохранили тут множество видов пернатых хищников – от огромного грифа до маленькой пустельги.

К бойне у населенного пункта крупные хищные птицы собирались, как видно, всегда. Но в этом году запоздавшее лето с обилием влаги вызвало небывалое буйство травы. Непросто сверху увидеть в зеленых джунглях добычу, и потому птицы даже из очень далеких мест слетаются к бойне. Тут удастся не только вблизи рассмотреть великанов, но даже и проследить их повадки.

Самыми первыми к падшей овце приблизились вороны. Они и в природе первыми бросаются на добычу. Они добьют обреченную жертву, если она еще движется. Им же при дележе всегда достанется лучший кусок. И никто в иерархии падальщиков этому не перечит – смелость и сметливый ум уважаются всеми, даже огромными грифами. Эти сильные птицы подступаются к жертве следом за вороном и ведут себя как хозяева – сила при дележе почтается. Белоголовые сипы – птицы тоже немалые, но силенок порвать, к примеру, толстую шкуру кулана у них маловато – ждут, когда грифы разделяют тушу, и тогда, вытянув длинные шеи, начнут потрошить жертву. Грифу и ворону попадает частенько живая добыча. Сип же – падальщик профессиональный. Он ждет чьей-нибудь смерти. Примерно раз в две недели судьба посылает ему обед. И если уж он добрался до пищи – ест жадно, шумно, дерется за каждый кусок.

Белоголовые сипы, грязно-белого цвета птицы-стервятники и черные коршуны образуют над тушей овцы кучу малу... И когда, кажется, ничего уже от овцы не осталось, с вершины холма «к столу» опустился орел-бородач. Его доля на этом пиру – сухожилия, кожа и кости.

Не слишком приятное зрелище – пир этой братии, но они благодетели жизни, санитарная служба природы. Хорошо налаженная служба. На большой высоте птицы парят над степью. Раздался выстрел – сейчас же летят на звук, знают, что можно чем-нибудь поживиться. Зрение у парящих (иногда невидимых снизу) хищников превосходное. Заметивший первым добычу, начинает быстро снижаться, а это сигнал для соседнего «патруля». С большой территории, наблюдая друг друга, птицы в считанные минуты собираются к жертве. Это может быть павший ягненок, погибающий старый кулан, ослабшие волк и лисица. Еще живую добычу добьют, но если она уже разложилась, помехи в том нет – любой микроб в кишечнике санитара погибнет.

Я покинул укрытие возле бойни, когда от овцы осталось лишь место, где ее бросили. Пировавшие отдыхали поблизости. Сидя на бугорках, они дремали, чистили перья, не обращая внимания на шелудивую собачонку, шнырявшую в поисках чего-либо. Но вся компания поднялась сразу, как только увидела человека. Взлетели первыми осторожные вороны, за ними, скрипя маховыми перьями, поднялось сотни полторы грифов, сипов, стервятников, коршунов, сарычей и орлов. Армада огромных птиц! Такое мне приходилось видеть лишь в Африке. Через минуту небо над головой разрисовано было темными силуэтами. Скользя по кругу, птицы поднимались все выше и выше. Скоро их можно было различить лишь в

бинокль. Потом они все исчезли – у каждой в бугристой степи была еще скрытая жизнь. Где-то в укромных местах их ждали гнезда с птенцами, родительские заботы...

* * *

Проезжая по заповеднику, мы все время смотрели: не мелькнет ли где-либо гнездо? И наконец увидели, что искали. В десяти шагах от дороги единственный на большом пространстве кустик кандыма был придавлен огромным гнездом. С него взлетел сарыч, оставив на милость пришельцев трех белых пушистых птенцов. В обычное лето родитель спасал бы детей под крыльями от жары, но в этот день птенцы нуждались в тепле. Они сидели, плотно прижавшись друг к другу. На попытку притронуться к ним ладонью, старший ответил щипком крючковатого клюва.

В обычное лето птенцов было бы пять. Теперь же и трех прокормить, как видно, не просто. Младший из братьев был хилым и прятался под живот старшего. В гнезде лежали три рыжих хвостика сусликов. Несомненно, первый кусок попадал в гнезде старшему. И родители поровну тут не делят – в трудное время пусть вырастает один, но сильный.

Птенцы сарыча.

Пока мы снимали трех сарычат, родитель без крика, но беспокойно делал круги над гнездом. Любопытно, что гнездо сарыча и куст кандыма под ним служили приютом не только хищникам. Огромная грубая шапка гнезда была нашпигована мягкими гнездами воробьев. Удивительно было видеть в этой степи воробьев, но еще необычнее было это соседство. Сарыч летает искать добычу за многие километры (возможно, летает кормиться и к бойне), но возле гнезда закон жизни запрещает охоту. И воробьи это знают отлично. Да что воробьи! Прямо возле куста были норы песчанок и норка суслика. Но и они чувствовали себя в безопасности под гнездом, в то время как наверху ждали пищи три сарычонка. А в небе плавала темная тень крупной птицы.

Фото автора. 20 июня 1976 г.

Приемыш Окно в природу

Машина пылит по широкой равнине. И мы наконец их видим. Небольшой табунок. Бегут параллельно дороге споро и ровно как заведенные. Наши пути совпадают и можно дивиться выносливости этих не то лошадок, не то ослов. Поднятый шумом джейран уносится, еле касаясь земли. Они же не летят, они бегут по земле, тяжеловесные, но способные, кажется, без остановки одолеть всю эту степь, насколько бы она ни тянулась.

Наше соседство надоедает, и куланы включают скорость, какую на этой дороге машина развить не может. Мы видим мелькание по зелени розовато-песочных шкурок. Потом табунок силуэтом маячит на горизонте. И вот уже нет их. Когда-то куланов загоняли на лошадях. Но даже самая резвая лошадь догнать их не может. Лошадей меняли и гнали куланов до издыхания.

Сейчас на земле их немного, хотя когда-то они заполняли пространство на запад до Украины и до Урала на север. Их численность угасала, как свеча на ветру, по мере освоения равнин человеком. Человек отнимал у куланов водопои и пастбища, истреблял их самих ради мяса, жира и ради шкур, из которых получали превосходный сафьян. В начале века их видели из окон проходивших в Ашхабад поездов. В 30-х годах свечка готова была погаснуть – на самом юге Туркмении куланов осталось меньше двух сотен. Для их спасения осенью 1941 года был учрежден заповедник. Мера эта не запоздала. Число куланов перевалило теперь за тысячу. Но беспредельно стадо расти не может. Горячая степь заповедника прокормить и напоить может лишь эту тысячу с небольшим.

Живут куланы под защитой закона спокойно. У водопоев они собираются очень большими группами, а вообще живут табунками голов по десять – пятнадцать... (Бывают и одиночки.) Водит табун умудренная жизнью самка, а порядок в группе наводит самец. Встретившись, два табуна могут затеять драку, причем настолько азартную, что теряют чувство опасности. Этим и пользовались когда-то охотники, нагоняя табуны друг на друга – в междоусобных схватках куланы забывали о главном враге и становились жертвой его.

Непуганые куланы спокойно пасутся, и подойти к ним можно метров на триста. Я наблюдал их и с более близкого расстояния. Спор: «с лошадьёю или с ослом состоит в родстве этот степной бегун?» разрешается в пользу осла, как только услышишь куланий рев. Однако осел, оказавшись рядом с куланом, выглядит низкорослым, забитым, покорным. Кулан же полон достоинства, силы и дерзости, если даже и оказался в загоне у человека. На поле он – полный хозяин степей. Сила его уважается. Собака при овечьей отаре бросится догонять волка, но робко подожмет хвост и даже не гавкнет, если отару невзначай потревожат куланы.

Рождаются куланята готовыми к тяготам жизни. На второй день малыш уже мчится вместе со всем табуном. Конечно, выносливость маловата, малыш отстает. Мать-куланиха его опекает. Но если опасность очень уж велика и табун бежит в панике, малыш остается и становится легкой добычей волков, гиены и даже больших хищных птиц.

В природный механизм, регулирующий численность животных заповедника, люди стараются не вмешиваться. И все-таки каждое лето из степи привозит кто-нибудь осиротевшего куланенка. На этот раз малыша в заповедник привезли пограничники. И я был свидетелем смешной, трогательной и драматичной одновременно сцены усыновления малыша.

Молоко коровы для кулана неподходяще. Выжить он может, только питаясь молоком ослицы. (Вот оно, родство-то!) Кормящую мать-ослицу и стали искать. «Найти ее много труднее, чем даже купить мотоцикл «ИЖ-планета», – сказал директор заповедника Иван Семенович Сух, но все же уселся на день у телефона. Нашел! Где-то за сто пятьдесят километров от заповедника жила кормящая мама. За ней послали грузовичок и в кузове привезли в заповедник. Вид у ослицы был невеселый. Но главные огорчения были у нее впереди.

Ослицу отвели на лужок и привязали к надежному колышку. Потом надели на голову ей мешок, предварительно вымазав ноздри какой-то резко пахнущей жидкостью. Таким образом, ни видеть, ни чувствовать запаха кормилица не могла. И сразу же подвели куланенка.

Приемная мать, понуро стоявшая на приколе, ему вовсе не приглянулась. И он прижался к ногам лаборантки, кормившей его до этого из рожка. Однако сдоенное в ладонь молоко куланенку понравилось. И, когда мордочку его силою подтянули к набухшему вымени, он сразу понял, что ему следует делать. Но ослица мгновенно почувствовала, что вовсе не кровное чадо припало к ее соскам, и поддала копытами так, что куланенок мячиком отскочил в сторону. Эту крайнюю степень протеста учли – под рукою была веревка.

Ослице крепко связали ноги. И опять подвели куланенка... Снимок передает драматизм положения: куланенок признал приемную мать, но мать никак не хочет признать чужака. Вот в этой покорной, полной отчаяния позе ослица стояла два дня. Куланенок припадал к вымени, терся о ноги ослицы, лизал ей шею, словом, вел себя, как подобает вести любящему, кроткому сыну. А ослица страдала... Но на третий день мы увидели, как она уже нежно ласкала приемного дикаря. В загоне царили мир и любовь. Усыновление состоялось!

Так повторяется каждое лето. Куланята, воспитанные в неволе, вырастают крепкими и здоровыми. Три из них носились в просторном загоне. Выраставший вместе с куланами ослик тоже резвился, но куда ему было до стройных и сильных красавцев диких кровей!

Возвращение кулана в природу, однако, не всегда удается. Ослица кормит приемыша. Но эта раба человека не может обучить его мудрости дикой жизни. Увозили куланов в степь, выпускали вблизи табуна. И, что же вы думаете, они возвращались в загон! Пробегали сотни полторы километров. Каким-то чудом находили усадьбу заповедника. Измученные, избитые своими дикими собратьями, они рады были вернуться в закон.

В загоне они и проводят жизнь – редких животных охотно и за хорошие деньги берут в зоопарки.

Фото автора. 23 июня 1976 г.

Тайна Окно в природу

В телеграмме было три слова: «Приезжай, квартирант дома». Шутливый шифр означал: в чьем-то гнезде растет кукушонок...

Друг мой Сергей Кулигин работает в заповеднике. Весь путь от Москвы до гнезда в сосняках у Оки занял три часа с небольшим. И вот мы, намокшие, стоим у дуплянки, над которой мечутся две встревоженные маленькие птички. Подношу к летку палец и сейчас же его отдергиваю, получив неожиданный ошутимый удар-щипок.

Открываем верх у дуплянки и видим жильца этой крепости. Ему тут явно тесно. Гнездышко, свитое для пяти-шести малышей мухоловки-пеструшки, черный взъерошенный великан давно перерос. Ерзая в темноте, он это гнездышко перемолол и сидит сейчас просто на мягкой подушке.

Он готов за себя постоять: ерошит перья, демонстрирует устрашающий зев, но в конце концов утихает на теплой ладони. Его обмеряют, взвешивают (ежедневная процедура), фотографируют. Ему тринадцатый день, он занимает почти всю ладонь и с трудом умещается на тарелке аптечных весов.

Приемные мать и отец с зажатыми в клювах козявками верещат рядом, и беспокойство их достигает предела. Водворяем жильца в дуплянку и для лучшего наблюдения вешаем ее на сосну, возле которой Сергей приготовил фанерный скрадок. Все таинства жизни старой дуплянки теперь у нас на виду.

* * *

История кукушонка такая. 27 мая, обследуя поселение птиц, на опушке вдоль поймы, Сергей обнаружил гнездо лесного конька. В нем лежали два разных яичка. Одно коричневатое в крапинку, другое, размером побольше, было голубоватым. Подежурив вблизи гнезда, Сергей убедился, что оно брошено. Восстановить историю брошенной кладки было нетрудно. Кукушки кладут яйца в гнезда различных птиц. Однако у каждой кукушки есть «специализация». У одной яйца размером и цветом похожи на яйца дроздов, другие готовят яйца для гнезд камышовок, трясогузок, зорянок, славок. Ошибка в адресе ни к чему хорошему не ведет. Так, видно, вышло и в этот раз. Лесные коньки, обнаружив подкладень, сочли за благо построить другое гнездо.

Яйцо кукушонка лежало холодное. Но соблазнительно было исправить ошибку природы. И с помощью человека яйцо совершило любопытное путешествие. Сначала Сергей подложил его зябликам. Но в это дождливое лето дятлы, не находя корма, воровали из гнезд птенцов, а у зябликов кладка всегда на виду. Сергей отыскал искусно скрытую в ельниках уютную «черепушку» дроздов. Но яйцо сюда запоздало. Через девять суток появились дроздята, а яичко-подкидыш лежало без признаков жизни. Полагая, однако, что жизнь в яйце все-таки пробудилась, ему не дали остыть и, согревая в ладонях, перенесли в дуплянку мухоловки-пеструшки.

У этой маленькой птицы в гнезде лежали четыре яичка. Прибавление пятого она не заметила. Проблема была в другом. В дупла кукушки яиц не кладут. И неясно было, как поведут себя мухоловки, появившись в гнезде кукушонок. Между тем события развивались стремительно. Подняв через день крышку дуплянки, Сергей увидел такую картину. Два птенца и два яйца мухоловки были вытеснены из гнезда и лежали на самом краю, а в середине лежал

голый слепой подкидыш. Появившись на свет, кукушонок сразу же сделал то, что предписано было ему природой: избавился от приемных сестер и братьев.

Два яичка и двух птенцов мухоловки Сергей немедленно подселил к двум другим мухоловкам, а за этой дуплянкой стал наблюдать.

* * *

Кукушонок рос быстро, прибавляя в весе сначала по три-четыре, а потом и по десять граммов каждые сутки. Из голыша он превратился в колючего ежика. Потом на колючках распустились пушистые кисточки. На появление приемных родителей у летка он отвечал сверчковой руладой и показывал ярко-оранжевый зев. Лицеизрение вечно просящей пасти не давало двум крошечным птичкам ни минуты покоя. Лишь иногда ненасытный ребенок почему-то медлил проглатывать паука или муху. Кормилицы в этом случае быстро совали головы в распахнутый зев и, схватив не проглоченный корм, тут же его съедали, чтобы через две-три минуты появиться с новой добычей.

Раза три в час семья совершала санитарный обряд. Кукушонок делал в гнезде разворот, и какой-нибудь из родителей быстро хватал у сына из-под хвоста белую бомбу. Отходы жизни кукушонок откладывал упакованными в эластичную пленку. Бомбы сначала маленькие постепенно достигли размера небольшой сливы. Родителей эта ноша тянула к земле, но они роняли ее вдалеке от гнезда – у кукушонка в дуплянке всегда было чисто и сухо...

Второй раз из Москвы в заповедник я приехал, когда кукушонку шел уже восемнадцатый день. Из черного ежика он превратился в большую пушистую птицу-подростка, глядел осмысленно, весил сто четырнадцать граммов, и в дуплянке было ему тесно.

Сергей посадил кукушонка на сук. Мы затаились, стараясь не проглядеть встречу птичек-родителей с сыном, которого они долго кормили, но увидят которого первый раз.

Никаких проблем не возникло. На суку сидело огромных размеров чудовище, но мама и папа не сомневались, что это их сын. Мама с зажатой в клюве букашкой к дуплянке даже не подлетела – сразу на сук, к разинутой пасти. На секунду с отлетом она задержалась и сразу же получила удар клювом в грудь – «нечего медлить, лети за едою, я голоден». И она полетела. И опять принесла что-то в клюве. И опять получила удар, но сразу не улетела, а принялась с безопасного расстояния изучать свое чадо.

Место описанных тут событий. Возле скрада орнитолог Сергей Кулигин.

С Сергеем мы залезали в скрадок по очереди и проводили там три-четыре часа ежедневно. Дни стояли дождливые, но серьезной помехой для наблюдений были лишь комары. Они набивались в скрадок и ели нас беспощадно. Мы вылезали, опухшие, одеревеневшие от неподвижности. Но какую награду мы получали за эти мелкие неудобства! Мы прикасались к тайне. Тайна, обычно скрытая за лесным пологом, тут была на ладони.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.